МАЙНА.

Киргизскій султанъ Каипъ, былъ нѣкогда призванъ на ханство Хивинское. Почетъ большой, честь велика, отказываться, казалось, не должно; да и для чего? Чѣмъ жить въ степи пастухомъ, жить въ подвижной палаткѣ зиму и лѣто, въ вёдро и въ ненастье, неужели не лучше сѣсть на коверъ въ палатахъ Хивинскаго Арка, дворца, хоть онъ и земляной или глиняный, и сидѣть спокойно дома, повелѣвая безотчетно и безотвѣтно?

Каипъ пошелъ на Ханство и сталъ самовластнымъ Ханомъ; всѣ прихоти его исполнялись раболѣпно, и не было приказанія Ханскаго, надъ которымъ бы Мяхтеръ, Кушъ–беги, не только Ясаулы его, на мигъ призадумались. Но когда, черезъ полтора года по вступленіи Султана Каипа на Ханство, стрѣлокъ–землякъ Хана, принесъ ему *тарту*, гостинецъ, убитаго лебедя, тогда Ханъ погладилъ себя широкою холодною лапою птицы этой по

лицу, покачалъ головою, и сказалъ: «Эта лапа купалась свободно въ рѣкахъ и озерахъ вольной родины моей, топтала мураву луговую и песокъ сыпучій!» Хивинцы изъ этого заключили, что чуть ли Ханъ не хочетъ ихъ покинуть, и стали его стеречь; но Каипа въ тотъ же вечеръ одолѣла такая грусть и тоска, что онъ бѣжалъ въ лохмотьяхъ нищаго, съ опасностію жизни пробирался пустынями до ауловъ своего народа, едва не истомился голодомъ и жаждою, и плакалъ, какъ дитя, когда прикочевалъ опять въ родныя степи свои, на просторъ, гдѣ ничто не замыкало передъ нимъ окраины неба и земли, гдѣ услышалъ снова рычаніе верблюдовъ, мычаніе быковъ, блеяніе несмѣтныхъ стадъ овецъ, и ржаніе и конскій топотъ.

«За что я буду жить хуже скота своего,» говоритъ Кайсакъ, если вы его спросите, для чего онъ не терпитъ осѣдлости; «зачѣмъ мнѣ жить хуже скота, которому больше воли, чѣмъ мнѣ? Развѣ я отдамъ любимаго коня своего Урусу на конюшню, въ стойло? развѣ я хуже птицы,

которая бьется и въ золотой клѣткѣ, и проситъ воли? Кто приросъ домомъ къ землѣ, тотъ рабъ земли и рабъ людей; кто въ полчаса можетъ подняться, днемъ и ночью, со всѣмъ домомъ, добромъ и пожитками своими, и итти на всѣ четыре стороны, тотъ воленъ.»

Осѣдлую жизнь Кайсакъ почитаетъ величайшимъ бѣдствіемъ въ мірѣ, и одна только крайность можетъ, и то временно, его къ тому принудить. Если нынѣ стали много сѣять хлѣба на Илекѣ и на Сырѣ, то это доказываетъ яснѣе всего, что орда бѣднѣетъ; здѣсь хлѣбъ сѣетъ только пѣшій, безконный и нищій; а намѣнявши опять сотню головъ скота, бросаетъ соху и идетъ кочевать. Когда какое нибудь бѣдствіе разоритъ Кайсака, лишитъ всего скота и сдѣлаетъ нищимъ, тогда онъ идетъ на Усть–Уртъ въ сайгачники, или черезъ Мугоджары къ линіи нашей, въ сурочники, и перебивается иногда много лѣтъ, покуда заработаетъ себѣ небольшое стадо; только ближніе къ линіи пріучаются наниматься къ намъ въ работники; старики и ребятишки

охотнѣе идутъ въ городъ за подаяніемъ и поютъ подъ окнами:

Руби дрова безъ топоръ,
Вари крупа безъ котелъ;
Хлебай каша безъ ложка,
Давай деньга немножка —

И прибавляютъ обыкновенно еще къ этому плачевное и не совсѣмъ умѣстное для мусульмана: Христа–ради!

Сайгачники ловятъ съ неутомимымъ стараніемъ сайгъ и мѣняютъ мясо ихъ, семь, восемь, десять тушекъ на барана; такимъ образомъ снова обзаводятся стадомъ и прикочевываютъ опять къ своимъ ауламъ. Сурочники питаются сами вонючимъ мясомъ сурка, а шкуры его мѣняютъ землякамъ своимъ или продаютъ на линію. «Коли платить мнѣ подать,» говоритъ Кайсакъ, «такъ возьми съ меня сороковину скотомъ и я воленъ; я заплачу подъ Троицкомъ и пойду къ Бохарѣ; заплачу въ Ташкендѣ и прикочую къ Семипалатинску; отдамъ что слѣдуетъ въ Хивѣ, а на мѣну пойду въ Сарайчикъ.» Деньги для степнаго дикаря цѣны не

имѣютъ никакой; скотъ его богатство, за скотъ свой онъ пріобрѣтаетъ все, что ему нужно. Когда продавали однажды въ степи казенныхъ верблюдовъ, съ молотка, то въ торговомъ листѣ, вмѣсто извѣстныхъ двухъ графъ: рубли и копейки, были выставлены *козы* и *овцы*, козлы да бараны. «Кто знается съ деньгами,» говорятъ Киргизы, «кто взялъ въ руки деньги, тотъ купленъ и закабаленъ, тотъ себя продалъ.»

Я сказалъ уже, что Кайсаки начинаютъ сильно заниматься хлѣбопашествомъ, на Илекѣ, на Сырѣ и въ другихъ мѣстахъ. Этому двѣ причины: обѣднѣвшіе черезъ взаимные баранты или набѣги, отъ гибельной зимы съ мокрыми буранами, жестокой стужей, отъ гололедицы и безкормицы, не находятъ другаго убѣжища; но, во вторыхъ, Кайсакамъ нашимъ становится уже тѣсно. Кайсаковъ Оренбургскаго вѣдомства, Малой и половины Средней Орды, должно быть, по всѣмъ свѣденіямъ, болѣе миліона душъ обоего пола; я бы сказалъ: взгляните на карту, если бы у насъ была годная карта

этихъ странъ, и вы бы увѣрились, что за выключкой безводныхъ, сухоглинистыхъ пространствъ, въ коихъ и самыя копани даютъ только горькую воду, безводныхъ песковъ, сухихъ и мокрыхъ солончаковъ, останется удобной для скотоводства — не говорю уже для хлѣбопашества — земли, не въ избыткѣ. Кормъ такого роду, какъ наша луговая трава, наше сѣно, бываетъ почти только у сѣверныхъ предѣловъ степи, гдѣ повидимому почва уже не такъ молода и успѣла покрыться небольшимъ слоемъ тука; далѣе, видите одинъ только жесткій ковыль, а еще южнѣе солянки и собственно такъ называемое степное прозябеніе, то есть, не траву, а бурьянъ, полукусты, большею частію двухгодичные, кормъ, надъ которымъ наша избалованная лошадь и скотина издохнетъ прежде, чѣмъ пойметъ, что этимъ хворостомъ можно питаться.

Повѣсть наша происходила въ Малой Ордѣ, кочующей по южному и западному пространству степи, хотя предѣлы эти обозначить довольно трудно. Орда эта самая многочисленная. Въ ней считается

три рода (уру) или поколѣнія: Байуллы (или Бай–углы, богатый сынъ), Алимолла, и такъ называемые Семиродцы; роды эти дѣлятся на отдѣленія (танфэ), дробятся на подотдѣленія (джамъ), коихъ наберется въ одной Малой Ордѣ едва ли не до трехъ сотъ. Названія ихъ иногда взяты отъ собственныхъ именъ какихъ нибудь родоначальниковъ, какъ напр. Назаръ, Гассанъ, Куламанъ, Караманъ, Каипъ, Тукумбетъ; иногда отъ разныхъ предметовъ или понятій, какъ: Пеглюанъ — силачъ; Кара–сакалъ — черная борода; Сарыбашъ — желтая голова; Алтыбашъ — шесть головъ; Кара–балыкъ — черная рыба; Казъ — гусь; Балта — топоръ; Акча — деньги; Кркъ–мултукъ — 40 ружей; Тюряляръ — господа, дворяне; Аталыкъ — намѣстникъ; Тугузъ — девять; Исянъ–кильды — добро пожаловать, и пр. Есть племена: Басурманъ и Кумызъ. Иногда же названія эти взяты отъ страны или народа, что довольно странно, если не допустить, что Кайсаки образовались отъ смѣшенія разныхъ племенъ и народовъ; вы найдете

поколѣнія: Кыргызъ, Урусъ (Русской), Иштякъ (Остякъ, такъ впрочемъ Азіатцы называютъ Башкировъ); Туркменъ, Чаудуръ (это же названіе носитъ обширное Туркменское поколѣніе); Черкесъ, Мугалъ (Монголъ); и наконецъ: Кибчакъ, Тибетъ, Китай, Туркестанъ. Алачъ–ханъ, по словамъ Кайсаковъ, общій предокъ ихъ, и это же общій Уранъ или военный кличъ. Кричатъ они иногда при нападеніяхъ также *ура*, съ полугласнымъ, едва внятнымъ *а* на концѣ; это слово Татарское, повелительное наклоненіе глагола Урмакъ — бить: бей. Очень замѣчательно, что нѣкоторыя поколѣнія отличаются не только особымъ произношеніемъ, но и образованіемъ лица.

Если вы спросите Кайсака, не холодно ли зимой въ войлочной кибиткѣ? онъ отвѣтитъ вамъ: спросите гуся, не зябнутъ ли у него ноги? Заговорите ему о удобствахъ осѣдлой жизни, и онъ вамъ скажетъ: тутовому дереву хорошо рости въ ханскомъ саду, да я не дамъ закопать себя живьемъ по поясъ, хоть бы и зналъ, что ноги у меня корни пустятъ, а руки сучья.

Богатому всюду хорошо, а бѣдному вездѣ худо; бѣда бѣднаго та, что покуда жирный исхудаетъ, худаго чортъ возметъ. Скажите ему, что грѣшно жить тунеядцемъ, что надобно работать — онъ вамъ отвѣтитъ: нужда придетъ, работа не уйдетъ; на голоднаго коня травы въ полѣ много, на долгую твою работу дней у Бога много.

Удивительно, до какой степени расходятся понятія дикарей, не видавшихъ никогда нашего образа жизни, съ нашими понятіями. Степной Кайсакъ хотѣлъ подарить чѣмъ нибудь Оренбургскаго гостя своего и предложилъ ему кибитку. Этотъ отказался, сказавъ, что онъ живетъ въ городѣ, въ домѣ. «И на лѣто не ставишь кибитки?» — Нѣтъ, не ставлю. — «А изъ дому въ домъ перебираешься иногда?» — Случается. — «Ну такъ возьми верблюда у меня, чтобъ было на чемъ перетаскиваться.» Одинъ дикарь, завезенный въ первый разъ отроду случайно въ Орскъ, хотѣлъ, забывшись, выглянуть изъ окна во время разговору, прободалъ стекло и разрѣзалъ себѣ лицо.

Испугъ его превосходилъ всякое описанiе. Когда одинъ зажиточный Армянинъ въ Бохарѣ вздумалъ вставить въ дверь свою, въ караванъ–сараѣ, вывезенное изъ Россiи небольшое стекольчатое окно, то не могъ его никоимъ образомъ уберечь и защитить отъ разныхъ пробъ и испытанiй любопытной толпы, тѣснившейся непрестанно у дверей, и окно было нѣсколько разъ выбито, отъ глупости и любопытства; Армянинъ сдѣлалъ опять глухую дверь. Киргизки обступили заѣзжаго въ глубокую степь Русскаго путника, и, ощупывая его со всѣхъ сторонъ, спросили съ хохотомъ; для чего на немъ такой чапанъ, который спереди не сходится, колѣнъ не закрываетъ, сзади хвостомъ и не даетъ свободно поднять руки? Онъ отвѣчалъ: чтобъ меньше сукна пошло. Бабы захохотали во все горло: дураки вы, дураки! кибитки, которыя надобно разбивать только на сутки, строите каменныя, будто въ нихъ вѣкъ вѣковать; а платье, въ которомъ надобно ходить безсмѣнно каждый день, шьете узенькое!

Одинъ башкиръ, наглядѣвшись уже болѣе на бытъ нашъ, выразился осторожнѣе и только условно: либо Русскій человѣкъ больно уменъ, либо больно дуракъ: у насъ одна лошадь тащитъ четырехъ бабъ, у нихъ четыре лошади тащатъ одну бабу!

И такъ вотъ народъ, изъ частной жизни коего я хочу разсказать истинное и свѣжее происшествіе. Народъ этотъ, при всей грубости своего невѣжества и черствости души или сердца, по нашему образу чувствъ и мыслей, не лишенъ природою ни того, ни другаго — ни чувствъ, ни мыслей. Послы или выборные этого народа сказали еще очень не давно, по случаю вражды двухъ смежныхъ съ нимъ и грозныхъ для него государствъ, — послы эти сказали: «Мы рады покориться и сами ищемъ защиты; но дайте намъ отца, который бы не только сѣкъ шаловливое дитя свое, а укрывалъ бы его также отъ обидъ и насилій; намъ съ двухъ сторонъ грозятъ плетью, и мать и мачиха держатъ розгу на готовѣ — а сосца не подаетъ ни одна, его мы не видимъ!»

Въ словахъ этихъ есть и мысль и чувство, есть болѣе мысли и чувства, чѣмъ вы найдете во всей осѣдлой Средней Азіи. Тамъ одно ханжество, изувѣрство, скрытность, закоснѣлое невѣжество и хитрость; здѣсь природа еще всему господинъ, и только одна нужда и обстоятельства обращаютъ иногда человѣка въ скота.

Чумекейцы, принадлежащіе къ роду Алимолла и состоящіе изъ 40 слишкомъ подотдѣленій, кочуютъ по р. Кувану, Сыру, доходятъ лѣтомъ на сѣверъ до Иргиза и далѣе, держась вообще караванныхъ путей, потому что они завладѣли главнѣйшею частію извознаго промысла, между Оренбургскою линіей, Хивой и Бохарой, и весь бытъ ихъ, съ давнихъ временъ, согласуется съ этимъ родомъ жизни. Часть ихъ зимуетъ на рѣкѣ Заревшанѣ, подъ Бохарой, а лѣтуетъ подъ Троицкомъ — переходя ежегодно два раза пространство въ 1500 верстъ. У нихъ немного большихъ кибитокъ, а кочуютъ они въ юлламахъ, дорожныхъ маленькихъ и легонькихъ

кибиткахъ, легко укладывающихся на одного верблюда; они держатъ мало овецъ и лошадей, а болѣе верблюдовъ; подымаются легко и скоро, идутъ ходко и, получая плату за извозъ серебромъ и золотомъ, знаютъ цѣну его, но доселѣ не приняли отъ насъ еще никакихъ предметовъ роскоши, за исключеніемъ *назбой*, что значитъ по персидски: носовая пища, и что Линѣйцами очень удачно передѣлано въ *носовой* и означаетъ нюхательный табакъ.

Чумекейцы, поколѣнія Наурузбай, во время лѣтней кочевки между Илека и Темира, сошлись съ Баюлинцами, съ поколѣніемъ Каныкъ отдѣленія Байбакты. Историкъ или сказочникъ Абулгазы Багадуръ–Ханъ пишетъ, что прозваніе Каныкъ дано было во времена Чингиса или Тамерлана — не помню — первымъ изобрѣтателямъ телегъ; телеги эти изобрѣтены были воинами для укладки награбленнаго имущества; скрыпъ ихъ уподоблялся звуку: *Каныкъ*; изобрѣтателямъ дано это

звукоподражательное прозванiе (*), и отъ ихъ поколѣнiя произошелъ какой–то народъ Каныкъ. Если наши Баюлинцы потомки этого знаменитаго механика, что весьма вѣроятно, потому что мы другаго народа *Каныкъ* не знаемъ, то родословное древо этихъ изобрѣтателей телегъ длиннѣе дышла и оглобли, и родъ ихъ не уступитъ въ древности ни одному роду нѣмецкихъ бароновъ.

Чумекейцы тянулись вверхъ по Илеку, на мѣну; Баюлинцы внизъ по Темиру, съ мѣны. При этой ежегодной встрѣчѣ, тѣ и другiе навѣщали прiятелей своихъ, размѣнивались новостями и прощались опять на годъ. Тутъ отцы условливались съ отцами о взаимной участи дѣтей своихъ, выплачивали одинъ другому мимоходомъ по уговору часть калыма, или по Русски: кладки, которая еще и донынѣ употребительна въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россiи, и уплачивается отцемъ жениха родителямъ невѣсты. Тутъ молодые видѣлись нѣсколько лѣтъ сряду, прежде

(*) Не отъ этого ли происходитъ наше Русское *канючить,* какъ вѣроятно *татакать* отъ Татарина, *казакать* отъ Татарскаго: *казъ,* гусь?

чѣмъ наконецъ калымъ былъ уплаченъ сполна и сватьба съиграна. Кайсаки не охотно берутъ невѣстъ изъ своихъ ауловъ, щеголяютъ тѣмъ, что засватали дѣвку въ другомъ и отдаленномъ поколѣніи, и никогда не женятся вскорѣ послѣ помолвки, тѣмъ болѣе, что не рѣдко сговариваютъ дѣвокъ еще дѣтьми.

Между Баюлинцами былъ старикъ Сакалбай и у него четыре сына — Полковникъ, Маіоръ, Капитанъ и Поручикъ. Я называю всѣхъ ихъ по именамъ — это не чины, а имена ихъ — только по странности именъ сихъ, которые даны были въ честь Русскихъ чиновъ. Расказа нашего касается одинъ только Маіоръ. Отецъ его Сакалбай велѣлъ сѣдлать коня, когда вѣсть о прикочеваніи Чумекейцевъ дошла на Темиръ; младшая жена его подвела ему коня, подсадила его подъ мышку на сѣдло, и онъ, съ двумя или тремя товарищами и съ Маіоромъ, отправился къ Чумекейцамъ, къ давнишнему пріятелю своему Кара–сакалъ–батырю. День былъ теплый, но вершники

наши нахлобучили корсучьи малахаи (тумакъ), подъ алымъ и синимъ сукномъ, съ галунами по швамъ; надѣли сверхъ халата по суконному чапану и второчили въ запасъ по яргаку, изъ жеребячьихъ шкуръ; лошади пошли съ мѣста ходою. Сакалбай ѣхалъ впереди, оборотившись какъ магнитная стрѣлка на урочище, гдѣ стояли аулы Чумекейцевъ, повѣсилъ носъ, покачивая слегка головою, по ходу коня, и спустивъ длинный рукавъ чапана во все кнутовище нагайки своей, постегивалъ задумавшись плетью набивные тебеньки сѣдла. Лошадь не считала это угрозой, не боялась повидимому плети, а выступала ходко, полушагомъ и полуиноходью, удерживая постоянно данное ей сначала направленіе.

Маіоръ ѣхалъ молча подлѣ отца и дяди, подогнувши одну лопасть малахая въ тулью, между тѣмъ какъ другая болталась и трепала его по щекѣ; почернѣвшая отъ лѣтняго загару грудь была обнажена клиномъ, почти до самаго пояса; правая рука болталась отвѣсно, какъ привѣшанная

къ плечу, а самъ онъ, то поглядывалъ на вычеканенное серебромъ правое стремя свое, то глядѣлъ прямо впередъ себя — и вдругъ соскочилъ, покинувъ лошадь, которая остановилась въ туже минуту и стала щипать траву, побѣжалъ въ сторону и ударилъ нѣсколько разъ каблукомъ въ землю.

«Что тамъ такое?» спросилъ Сакалбай.

— Зиланъ, змѣя, — отвѣчалъ Маіоръ, подошедши къ лошади, которая стояла на одномъ мѣстѣ какъ вкопаная, и сѣлъ, подвернувъ подъ себя на лету рукою полы чапана.

«Никогда не топчи ее ногами,» сказалъ отецъ, «и ни чѣмъ больше не бей ее, какъ плетью. Ты знаешь, змѣя боится лошадинаго поту и ни чѣмъ не убьешь ее лучше какъ нагайкой. Ты слышалъ быль, что въ старинные годы батырь Башкирскій, Клянча, убилъ не такую гадину, а огромнаго, крылатаго змѣя? Онъ побѣдилъ его, напоивши саблю свою лошадинымъ потомъ.»

Дядя, который уже нѣсколько разъ поглядывалъ путемъ на Маіора, какъ будто бы хотѣлъ съ нимъ заговорить, и сидѣлъ на коротенькихъ стременахъ бочкомъ, подавшись всею лѣвою половиной тѣла впередъ, вслѣдъ за протянутою къ поводу лѣвою рукою, — дядя приподнялъ значительно угловатыя брови и сказалъ, съ чуть замѣтною улыбкой: «На этой поѣздкѣ, братъ, тебѣ бы найти *Шамрана,* царя змѣй, такъ это было бы кстати.»

Сакалбай испустилъ какой–то одобрительный возгласъ и морщины отъ широкихъ выдавшихся скулъ собрались, сбѣгаясь въ двѣ связки по обѣ стороны рта его — что также означало улыбку — а сынъ, Маіоръ, спросилъ, догнавъ рысью опередившихъ его попутчиковъ: «Царя змѣй? а мнѣ на что его?»

— Шамранъ, — сказалъ дядя значительно, поглядывая исподлобья на племянника, — шамранъ небольшая бѣлая змѣя, не длиннѣе плети твоей, съ рожкомъ на головѣ. Если встрѣтишь ее, такъ разстели передъ нею новый платокъ и

прочитай молитву: она переползетъ черезъ платокъ и скинетъ рожокъ свой, а ты возьми его бережно и спрячь. Гдѣ онъ лежитъ, всегда будетъ золото и серебро, и богатъ будешь на весь вѣкъ свой; а на скотину падежа никогда не будетъ; хоть какая нибудь гибельная зима, твои овцы всегда цѣлы. А теперь же подходитъ для тебя такое время, что скоро нужно богатство, скоро пора зажить тебѣ своимъ домомъ: гляди, проведи–ка рукой, у тебя къ завтраму никакъ уже и борода будетъ. —

«Не даромъ же у него отецъ Сакалбай,» сказалъ замысловато самъ старикъ отецъ, то есть: богатобородый, и доставъ рожокъ свой изъ калты, покинулъ поводья, насыпалъ табаку на ладонь и, подкрѣпившись добрыми тремя напойками, продолжалъ, оборотясь къ сыну: «Дядя твой умный человѣкъ, говоритъ правду; вотъ къ полудню пріѣдемъ, дастъ Богъ, къ Чумекейцамъ, къ доброму пріятелю моему Карасакалу, такъ оглянись по маленьку, покуда мы съ дядей потолкуемъ со

старикомъ: мы поѣхали сватать за тебя дочь его, Майну.»

— На что же вы меня повезли съ собою? — сказалъ Маіоръ робко, удерживая коня своего. — Чтоже я тамъ стану дѣлать?... Мнѣ тамъ стыдно будетъ! —

«Ничего, пустяки,» утѣшалъ его дядя, стегнувъ черезъ руку плетью коня племянника, чтобы подогнать его; «ты какъ будто и не знаешь ничего; тебѣ какая нужда? ты пріѣхалъ съ отцемъ и дядей въ гости, да и только.»

Но Маіоръ увѣрялъ, что ему стыдно будетъ, что онъ не можетъ ѣхать самъ на сватовство свое, и не шутя остановился.

Отецъ хотѣлъ было сердиться, но дядя упросилъ его ѣхать спокойно впередъ, а самъ, съ другимъ товарищемъ своимъ, пустили Маіора впередъ себя и усердно погоняли сзади лошадь его. Такимъ образомъ поѣздъ подвигался впередъ. Но когда черезъ нѣсколько времени аулы Чумекейцевъ открылись издали по степному увалу Илека, и Сакалбай сказалъ:

вотъ и пріѣхали — то Маіору до того стало стыдно, что онъ, закричавъ вдругъ: «нѣтъ, не поѣду, ни за что не поѣду!» стегнулъ коня плетью, пригнулся на луку и пустился, вырвавшись изъ подъ конвоя, во весь духъ домой. Отецъ горланилъ ему вслѣдъ, дядя съ товарищемъ пустились было въ погоню, но Маіоръ ускакалъ, и тѣ воротились со смѣхомъ и досадой, бранили его и бранили отца, зачѣмъ онъ сказалъ сыну, чего совсѣмъ не слѣдовало говорить, и этимъ только пристыдилъ его.

Бѣгство стыдливаго жениха не помѣшало отцу и дядѣ кончить дѣло. Когда гости подъѣхали къ кибиткѣ Карасакалъ–батыря и молодые парни тутъ бывшіе увидѣли, что старики, хорошо одѣтые, пріѣхали въ гости, то подскочивъ неуклюжимъ, размашистымъ бѣгомъ, подхватили ихъ подъ руки, какъ у насъ барынь высаживаютъ изъ кареты, приняли коней и подтянувъ имъ головы подъ шеи, намотали поводъ на переднюю луку сѣдла, чтобы лошади выстоялись и не смѣли бы ѣсть траву.

Карасакалъ–батырь принялъ гостей своихъ, поздоровавшись съ ними рука въ руку и въ два пріема къ сердцу, какъ будто примѣривалъ что нибудь на аршинъ, посадилъ ихъ въ глубь кибитки, противу дверей; между тѣмъ хозяйка ударила уже веслообразною, съ рѣзной и расписной рукоятью, мутовкой въ сабу, кожаный мѣхъ, наполненный кумызомъ, и налила три огромныя миски; потомъ пошла бесѣда. Чумекеецъ расказывалъ, что зима на рѣкѣ Куванѣ была благодатная, скотъ живъ и здоровъ; что въ Бохарѣ даютъ по полтора батмана проса за барана; что Кибчаки два раза ходили на Чиклинцевъ и угнали много скота; что правитель Ташкенда требуетъ пошлину съ камышеваго моста и съ парома, которые устроены однородцами Карасакала, Чумекейцами, черезъ рѣку Сыръ. Сакалбай жаловался на мокрые бураны, вьюги, которыя были на весну по Нижнеуральской линіи, отъ Сахарной до Мергенева; этимъ бураномъ набиваетъ мокрый снѣгъ въ руно овецъ, и если послѣ вдругъ ударитъ морозъ, то овцы гибнутъ;

хвалился, что прошлую осень они при линіи набили множество корсука, степной лисы, который валилъ валомъ, кочевалъ тысячами на сѣверъ и зарывался только на день въ небольшія норки, забиваясь туда по два и по три; (*) что бараны на мѣнѣ вздорожали, даютъ за годовалаго по 8–ми пудовъ муки и по пяти папушъ табаку — и прочее. Наконецъ, подъ вечеръ, когда хозяинъ уже накормилъ гостей своихъ бараниной и отваромъ съ небольшими въ немъ мучными лепешечками, и напоилъ кумызомъ до сыта, дядя принялъ слово за Маіора, между тѣмъ

(*) Эта перекочевка звѣря въ иные годы дѣло очень замѣчательное, и на него, кажется, мало обращали вниманія; я не говорю здѣсь о тягѣ и перелетѣ птицы по временамъ года, о переходѣ Сибирскаго оленя, степной сайги и кулана (дикой лошади), также по временамъ года, постоянно съ одного мѣста на другое; но разныя животныя въ иные годы, безъ всякой видимой причины, являются вдругъ въ огромномъ количествѣ и тянутся постоянно по принятому направленію, дни, недѣли и мѣсяцы сряду. Такимъ образомъ въ 1826 году шли раки изъ Ильменя въ Ладожское озеро р. Волховымъ; день и ночь валили они несмѣтнымъ множествомъ, на ночь выходили даже на берегъ, такъ, что солдаты набирали ихъ четвертями, и начальство боялось вредныхъ послѣдствій, болѣзней, отъ этого множества раковъ, и запрещало ихъ ловить; такъ въ 1820 году бѣлка, векша, шла огромными стаями съ праваго бо́рега Волхова на лѣвый, въ Новгородской Губерніи; она столпила сна пра вомъ берегу въ несмѣтномъ множествѣ, ее били па лка ми, ловили рука ми; потомъ пока за ла на сылѣ вомъ берегу, пошла да льше, а въ прежнихъ мѣста хъ почти исчезла вовсе. Та къ въ 1836–мъ или 37–мъ г. корсукъ осенью вдругъ двинулся изъ южныхъ предѣловъ степи Ка йса цкой на сѣверъ; Киргизы преслѣдова лисо стоня, били тысяча ми, днемъ въ нора хъ; лѣстрая жаБа шкиры, встрѣтили его на линіи, и били безъ поща ды — онъ все та кива лилъ своимъ путемъ и потомъ вдругъ скрылся, не пода вшись да лекова линію. Былъ ли онъ уничтоженъ, или ра зсыпа лся, принялъ другое на пра вленіе, не могу рѣшить.

какъ отецъ его сидѣлъ чинно, потупивъ глаза, вздыхая отъ времени до времени и поглаживая рѣденькую сѣдую бородку. Надувшись и принявъ важную осанку, дядя сказалъ пренапыщенное похвальное слово хозяину, Карасакалу, и брату своему Сакалбаю; превозносилъ дружбу ихъ, зажиточность, добрую славу; заключилъ изъ этого, что и дѣти ихъ должны быть имъ подобны и другъ друга достойны; потомъ сталъ насчитывать калымъ, который братъ намѣренъ дать за невѣсту, стараясь по обычаю умножить разными уловками счетъ головъ; въ первый годъ, говорилъ онъ, братъ дастъ десять овецъ ягненныхъ и двухъ козъ — 24 головы: тамъ трехъ жеребыхъ кобылъ — тридцать, и такъ далѣе. Карасакалъ–батырь слушалъ очень спокойно, поддакивая отъ времени до времени головою, и наконецъ замѣтилъ, что на третій, послѣдній годъ, слѣдовало бы отдать верблюда, и просилъ кромѣ того не требовать съ него, какъ съ походнаго Чумекейца, большой кибитки для молодыхъ, а обѣщалъ вмѣсто этого

подарить Бохарскій коверъ. Толковали долго, наконецъ ударили по рукамъ, и запили кумызомъ. Карасакалъ созвалъ всѣхъ своихъ — аулъ его состоялъ изъ шести родственныхъ кибитокъ — и объявилъ имъ дѣло; потомъ уже позвалъ въ общее присутствіе дочь, Майну.

Майнѣ было всего годовъ 14; мать велѣла ей уже одѣться, и она вошла въ бархатномъ аломъ чапанѣ съ галунами, въ конической шапочкѣ, опушенной котикомъ, обнизанной и обвѣшанной бусами и стеклярусомъ, съ коей висѣли по обѣ стороны длинныя и широкія поднизи. Волоса, заплетенные въ одну косу, и на первый взглядъ почти одна шапочка эта только и отличала ее отъ мужчинъ, на коихъ были подъ исподомъ такіе же халаты, сверху суконные чапаны того же покрою, остроконечные, неуклюжіе сапоги и голая шея. Но Майна подпоясана была по халату поясомъ, а чапанъ накинутъ сверху, тогда какъ мужчины опоясываются кожанымъ ремнемъ съ карманомъ и другимъ приборомъ, сверхъ чапана; кромѣ

того, халатъ на Майнѣ застегнутъ былъ на груди серебряной пряжкой.

«Башъ–уръ,» сказалъ ей отецъ, указывая на Сакалбая, «кланяйся: вотъ твой будущій отецъ, онъ тебя беретъ за сына.» Потомъ велѣлъ ей подойти къ себѣ и наклониться, повѣсилъ ей нагайку свою черезъ затылокъ и читалъ наставленія, какъ ей должно слушаться тестя и мужа.

Майна во все это время быстро глядѣла черными глазенками своими вокругъ, останавливалась ими нѣсколько разъ съ видомъ какого–то сомнѣнія на дядѣ Маіора, искала кругомъ — сняла и подала съ поклономъ отцу плеть его, вышла, шагая почти по головамъ родичей своихъ, которые, усѣвшись по такому торжественному случаю чинно въ кибиткѣ Карасакала, заняли ее собой всю; а вышедши изъ–подъ запона, прикрывавшаго двери, кинулась проворно къ дѣвкамъ и бабамъ, ожидавшимъ ее тутъ, и пробормотала въ одинъ духъ: «который же это, который? неужели старикъ, сидѣвшій

рядомъ со сватомъ? а болѣе никого не видно было въ кибиткѣ!»

— Коли старъ, такъ богатъ можетъ быть, — отвѣчали подруги. — Пойдемъ, сядемъ въ кибитку свою, да подымемъ кошму съ боку, увидимъ его въ рѣшетку, когда будетъ уѣзжать. —

Карасакалъ–батырь отпустилъ гостей своихъ только въ слѣдующее утро, но Майна съ подругами тѣмъ не менѣе провожала ихъ глазами изъ–за рѣшетки сосѣдней кибитки, и указывала пальцемъ то на того, то на другаго или третьяго, полагая, что тотъ или этотъ долженъ быть ея женихомъ.

Когда Сакалбай съ товарищами выѣзжалъ рано утромъ отъ Чумекейцевъ, то въ аулахъ ихъ сдѣлалась тревога: огромный степной палъ, напольный огонь, шелъ при попутномъ вѣтрѣ съ юга, почти во всю ширину между Илека и Темира, верстъ на 60. Вершники скакали уже до зари осматривать это разливающееся огненное море, упущенное по неосторожности какимъ нибудь пастухомъ или проходящею

шайкой. Сотни кибитокъ сымались, навьючивались на верблюдовъ, и, вмѣстѣ со скотомъ, отправлялись черезъ рѣчку. Баюлинцы наши думали, что успѣютъ доѣхать до своихъ ауловъ, особенно если прибавятъ шагу, но ошиблись въ расчетѣ: палъ настигъ ихъ на перепутьи. Нѣсколько времени принимали они все правѣе, къ сѣверу, надѣясь объѣхать огонь, но наконецъ увидѣли, что онъ ихъ такимъ образомъ загонитъ слишкомъ далеко. Они остановились, сошли съ лошадей, вырубили и раздули огня и зажгли отъ себя траву. Это называется у насъ: пустить встрѣчный палъ. Трава выгорѣла тутъ вскорѣ на большое пространство, и на немъ–то путники наши расположились преспокойно ожидать конца и развязки. Пламя катилось на нихъ съ юга клубомъ, взмывая по кустамъ и бурьяну иногда въ ростъ человѣческій, и разстилаясь огненнымъ ручьемъ по низкому, объѣденному ковылу; дымъ слался впередъ, огонь подвигался за нимъ почти съ тою же скоростію, какъ пѣшій ходокъ; чѣмъ ближе онъ подходилъ,

тѣмъ слышнѣе былъ этотъ гулъ особаго рода, который нельзя сравнить ни съ какимъ инымъ шумомъ, развѣ только съ отдаленнымъ гуломъ взволнованнаго бурей моря. Огненный гребень или гряда эта, будучи въ глубину не болѣе сажени, простиралась въ обѣ стороны уступами и зубцами, мысами и заливами, на необозримое протяженіе. Когда она настигла путниковъ нашихъ, сидѣвшихъ преспокойно на выжженномъ ими пространствѣ, спиною къ набѣгающему на нихъ палу, то она раздвоилась вокругъ пожарища, гдѣ горѣть было уже нечему, и прошла далѣе; а Сакалбай съ товарищами сѣли на коней и поѣхали опять своимъ путемъ.

«Года тому четыре,» сказалъ Сакалбай, «когда я ходилъ вожакомъ съ Русскими на Тоболъ, такъ тамъ ночью палъ захватилъ Кибчаковъ и Аргинцевъ, и сгорѣло много скота и человѣкъ до 80–ти; кибитокъ погорѣло болѣе сотни.»

— Бѣда намъ у линіи сидѣть, — сказалъ другой товарищъ, — когда случится, что

набѣжитъ палъ. Это такоежъ горе, какъ и потравы сѣна и луговъ, гдѣ разбирательствамъ нѣтъ конца. Тутъ думаешь, какъ бы самому чего не потерять, да чтобы скотъ уцѣлѣлъ, не отхватило бы гдѣ гуртъ; а тутъ глядишь, на слѣдствіе выѣзжаютъ чиновники, да за душу тебя тянутъ. Слышалъ дядя, ага, — продолжалъ онъ, — прошлогоднишнее слѣдствіе, что пріѣзжалъ косой да взялъ 8 барановъ, да сказалъ кончено все, не кончено — нынѣ говорятъ опять будетъ онъ разбирать по *горячимъ* слѣдамъ, кто пустилъ палъ; а онъ уже съ годъ какъ простылъ и мѣсто давно травой поросло. —

Пріѣхавъ въ аулъ свой, Сакалбай позвалъ тотчасъ сына Маіора, и между тѣмъ, какъ байбичя, старшая жена его, Сакалбая, наливала въ миску взболтанный и взбитый кумызъ, а младшая отпускала лошади его подпруги и протирала ей глаза, старикъ, будучи въ хорошемъ расположеніи духа, собрался трунить надъ сыномъ: сердце его уже прошло. И онъ началъ такъ:

«Собака, чего лаешь? волковъ пугаю. Собака, чего хвостъ поджала? волковъ боюсь. Таковъ и ты, сынъ мой; за дѣвками гоняешься, а ихъ же боишься; тебѣ бы жениться, да невѣсты не видать. Соромъ, стыдъ! глядите на парня, вѣдь онъ ребенокъ; что онъ смыслитъ? Онъ и самъ еще красная дѣвица; онъ не знаетъ еще жениться ли ему, замужъ ли ему выходить, раздумье беретъ молодца, оттого и стыдится. А зачѣмъ же ты, полуумный, вѣкъ съ дѣвками сидишь, коли у тебя и на это ума не стало, коли ты не знаешь еще, человѣкъ ли ты, или и самъ дѣвка? А еще Маіоръ! За что же я на тебя такой почетный урядъ положилъ, коли послѣдній хорунжій больше тебя смыслитъ?»

Маіоръ сидѣлъ на корточкахъ передъ отцемъ, и между тѣмъ, какъ всѣ, кто былъ тутъ, хохотали, онъ закрывался тумакомъ своимъ, мохнатой шапкой, то съ правой щеки, то съ лѣвой, смотря потому, откуда на него заглядывали. Отецъ досталъ вдругъ, не вставая съ мѣста, изъ–за пояса плеть, стегнулъ сына порядочно по плечамъ, и у

Маіора словно вдругъ ноги выросли: вскочилъ и отпрянулъ улыбаясь въ сторону, почесывая выбритую какъ ладонь голову.

На другой день Сакалбай отправилъ съ братомъ своимъ первый задатокъ калыма, девять тощихъ овецъ, и дядя Маіора увѣрялъ Карасакала, что эти овцы всѣ по два ягненка мечутъ, и что тутъ вѣрнымъ счетомъ 27 головъ скота. На вечеръ отправили жениха въ небольшомъ поѣздѣ для знакомства съ невѣстой; Маіору некуда было дѣваться: разодѣлся въ отцовскій жалованный чапанъ, взялъ съ собою въ запасъ два выбойчатыхъ платка, золотникъ алаго шелку и какую–то полинявшую ленточку. Со смѣхомъ и шутками выпроводили его изъ аулу, а дорогою сваты или дружки, какъ ихъ назвать, старались подкрѣпить мужество Маіора, который тяжело вздыхалъ, молчалъ и отиралъ потъ съ широкаго лица своего, слушая поученія и наставленія ихъ, какъ дѣйствовать и какъ себя вести.

Женихъ прибылъ къ Чумекейцамъ уже въ сумерки; товарищи спровадили его толчками въ кибитку Карасакала и говорили кой–что за него; онъ робко кланялся, прикладывая правую руку къ сердцу и принявъ руку старика въ обѣ руки свои, не замѣчая, что вмѣстѣ съ малахаемъ своимъ стянулъ съ головы и тюбетейку и стоялъ лысый, отъ бровей до затылка. Одинъ изъ товарищей вытащилъ изъ подъ мышки жениха, изъ огромнаго малахая, тюбетейку и насунулъ ее Маіору на одно ухо. Усѣлись, пили кумызъ, ѣли баранину, а о невѣстѣ еще не было и рѣчи. Наконецъ старикъ объявилъ, что пора спать, простился съ Маіоромъ, и этого отвели въ маленькую кибитку, юллама, въ которой должно было произойти первое свиданіе его съ невѣстой. Тутъ Маіоръ встрѣтилъ въ дверяхъ почетную стражу невѣсты своей, нѣсколькихъ старухъ, которыя принялись колотить жениха со всѣхъ сторонъ, приговаривая: а ты за чѣмъ сюда лѣзешь? тебѣ тутъ что нужно? нешто тутъ твое мѣсто?

Робкій и стыдливый Маіоръ въ эту рѣшительную минуту собралъ съ какою–то необыкновенною могутою всѣ духовныя и тѣлесныя силы свои, кинулся очертя голову какъ изступленный въ толпу бабъ, сбилъ ихъ какъ разъяренный козелъ ударомъ головы своей съ ногъ, и прорвался подъ запонъ кибитки, прежде чѣмъ тѣ успѣли опомниться. Онѣ подняли хохотъ и крикъ, грозили и требовали выкупа; Маіоръ, оправившись немного, выкинулъ имъ изъ кибитки взятыя имъ для этого бездѣлицы; бабы еще съ большимъ крикомъ, шумомъ и смѣхами удалились, а онъ, Маіоръ, сталъ осматриваться въ потьмахъ.

Тундыкъ или по Русски: дымникъ, то есть верхняя полсть кибитки, надъ обручемъ, въ который упираются стрѣлы, былъ откинутъ; посреди кибитки чуть тлѣлся маленькій огонекъ; а на цвѣтной кошмѣ сидѣла Майна, закрывая лицо правымъ локтемъ и отвернувшись нѣсколько отъ той стороны, гдѣ стоялъ Маіоръ. Сверху падалъ на нее бѣлый свѣтъ луны и звѣздъ, снизу разливался на алый

бархатъ чапана ея красный свѣтъ огонька. На всѣхъ изломахъ и складкахъ былъ двойной свѣтъ и двойная тѣнь; огонекъ былъ такъ слабъ, что не могъ пересилить и луннаго свѣта.

Маіора опять взяла робость; постоявъ не много, онъ и самъ было накрылъ глаза рукавомъ, но догадавшись, что это слишкомъ глупо, рѣшился наконецъ поздороваться съ невѣстой, но до того забылся, что вмѣсто обычнаго привѣтствія женщинамъ, сказалъ ей подобострастно: салямъ–алей–кюмъ, пожеланіе, которое говорится исключительно единовѣрцамъ–мужчинамъ. Майна захохотала, и отвѣчала, не отнимая руки отъ лица, скороговоркой: «я тебѣ не братъ и не дядя; или можетъ статься ты ошибся, не туда зашелъ?»

Черезъ полчаса, когда Маіоръ нашъ уже оправился отъ всѣхъ недоумѣній и робости своей, и сидѣлъ на кошмѣ рядомъ съ невѣстой и рука въ руку съ нею, бабы пришли стучать кулаками въ кибитку и вызывать невѣсту домой. Она вскочила и побѣжала безъ оглядки; бабы приняли ее со

смѣхомъ и шутками своего рода, а Маіоръ, оставшись одинъ, прокашлялся, потеръ гладкій подбородокъ свой, вышелъ взглянуть на погоду, увидалъ что собираются тучи, накрылъ дымникъ и легъ спать.

Во снѣ видѣлъ онъ великолѣпную скачку, нескончаемую толпу народа, крикъ, шумъ, огромныя миски крошеной баранины — словомъ, надобно полагать, что Маіоръ во снѣ уже праздновалъ сватьбу свою; но онъ мгновенно проснулся отъ страшнаго топоту конскаго; ему казалось, что тысячи всадниковъ неслись прямо черезъ него. Проснувшись, Маіоръ простоналъ: Аллах–керимъ — но долго не могъ опомниться; стукъ, громъ, крикъ и шумъ всякаго рода окружали его. Тутъ было вотъ что: нашли тучи, сдѣлалась ночью страшная гроза. Кайсаки объясняютъ явленіе это такъ: шайтаны, черти, громоздятся другъ на друга ёлкой, пирамидой, чтобы вылѣзть изъ преисподней на небо; Аллахъ поражаетъ ихъ стрѣлой, и они съ шумомъ и трескомъ разсыпаются.

Вотъ вамъ сказка о Титанахъ. Разбѣжавшись, они ищутъ спасенія, прячутся за первый встрѣчный предметъ, охотнѣе всего за человѣка, котораго Аллахъ въ милости своей обыкновенно щадитъ; но разгнѣвавшись, онъ посылаетъ стрѣлы на шайтановъ порознь, и тутъ нерѣдко шайтану удается отвести отъ себя стрѣлу на человѣка. Для этого–то Кайсаки подымаютъ во время грозы страшный шумъ и стукъ, бьютъ въ тазы, котлы, чашки, миски, пугаютъ и гоняютъ всѣми средствами шайтана. Такъ Персіяне, приписывающіе ужаленіе скорпіона также проискамъ шайтана, выгоняютъ его изъ военныхъ становъ, таборовъ и становищъ своихъ молитвой и хлопаньемъ въ ладоши. Во время походовъ Персидскаго войска, станъ ихъ каждый вечеръ оглашается дружными плесками въ ладоши, цѣлаго побѣдоноснаго воинства.

Этотъ–то шумъ и стукъ, заглушаемый отъ времени до времени раскатами грома, поднялъ на ноги нашего Маіора. Опомнившись и почесавъ затылокъ, онъ

сѣлъ, подвернувъ ноги, и улыбаясь самодовольно, протвердилъ на память, то мысленно, то вполголоса и съ легкими тѣлодвиженіями, все, что происходило вчерашняго вичера, и поглядывалъ искоса подлѣ себя на то мѣсто, гдѣ сидѣла Майна. Гроза миновалась и товарищи Маіора пришли къ нему еще до свѣту съ увѣдомленіемъ, что жениху пора ѣхать домой, иначе придется сидѣть въ кибиткѣ еще сутки; днемъ выѣзжать и показываться въ люди нейдетъ ему, надо убираться затемно.

Вскорѣ Чумекейцы подвинулись далѣе впередъ, Баюлинцы потянулись на югъ и къ нижней линіи нашей; женихъ съ невѣстой простились по крайней мѣрѣ на годъ, потому что обратный путь Чумекейцевъ, по другую сторону Илека, пролегалъ слишкомъ далеко отъ кочевья Баюлинцовъ.

Баюлинцы, которые, какъ и всѣ племена Кайсаковъ, кочуютъ въ извѣстное время года по извѣстнымъ пространствамъ, очищая мѣсто другимъ и приближаясь осенью къ зимовью своему, подошли

спокойно, идучи все вверхъ по Уилу, къ нижней линіи. Сакалбай послалъ двухъ сыновей своихъ, Маіора и Капитана, въ Сахарную, съ гуртомъ овецъ на мѣну. Казаки, которые говорятъ здѣсь всѣ также бойко по Киргизски, какъ и Маіоръ нашъ съ Капитаномъ, обступили кунаковъ своихъ, гостей или пріятелей, забрасывали ихъ цѣлымъ потокомъ рѣчей со множествомъ прибаутокъ, стараясь уторговать овецъ подешевле; Кайсаки наши боялись продешевить, кричали взапуски и отстаивали товаръ свой. Казаки хватали барановъ за курдюки и тащили ихъ къ себѣ; Киргизы перетаскивали ихъ за рога опять на свою сторону — безотвѣтные бараны ревѣли, и блеяніе ихъ заглушалось крикомъ обоюдно договаривающихся пріятелей. Капитанъ между прочимъ вздумалъ похвалиться казакамъ, что братъ его, Маіоръ, женихъ; Маіоръ прибодрился при этомъ и вытянулся, полагая вѣроятно, что Уральцы, ради поздравленія, уважутъ ему, прибавятъ цѣны. Но Уральцы повернули дѣломъ и увѣрили Маіора, что

ему не годится же теперь, какъ жениху, ѣздить на такой кляченкѣ, предложили вымѣнять у казака, по дружбѣ, тотчасъ же добраго коня, отдавъ своего и еще пять барановъ на придачу. Не ожидая отвѣта, казаки стали разглядывать, водить, щупать лошадь Маіора, стараясь захаять ее и сбить ей цѣну.

«Конь добрый,» сказалъ одинъ, «что и говорить; у иного чай плеть живетъ дороже. Снимай, братъ, шкуру, да продавай.» — А который ей годъ? — спросилъ другой. «Первый послѣ прошлаго,» отвѣчалъ тотъ; «первая голова на плечахъ и шкура неворочена.» —

«Гоу! врете вы,» отозвался Маіоръ, «конь съ песковъ, на Тай–суйганѣ выросъ, скоро зубы съѣдаетъ, это дѣло вѣдомое; что хватитъ травы, то и песку въ ротъ.»

— Знаю, знаю, какъ незнать, принялъ опять тотъ; — я вижу что съѣлъ: онъ и глядитъ словно не солоно хлебалъ. У кого бабушки во дворѣ нѣтъ, годится, держать можно. —

Словомъ, не дали Маіору опомниться, какъ пересѣдлали, посадили его на казачьяго коня, назвали молодцемъ и стали расчитываться. Но Маіоръ съ Капитаномъ объявили Казакамъ, что отецъ велѣлъ имъ привозить весь запасъ хлѣба, сколько вымѣняютъ, сполна, и потому не рѣшались отдать барановъ за лошадь. У Казаковъ и за этимъ не стало дѣло; они уладили все; они лошадь вдолгъ не дали, зачли за нее что слѣдовало, а отпустили Кайсакамъ на *кутарму*, вдолгъ, сколько тѣмъ нужно было муки, съ тѣмъ разумѣется, чтобы только къ веснѣ поставить за нее овецъ съ процентами, каждую съ ягненкомъ. Маіору съ Капитаномъ сдѣлка показалась очень выгодною, и они, простившись дружески съ Уральцами, отправились домой.

Неустойки Казаки не боялись: здѣсь о сю пору, безъ векселей и расписокъ, долги платятся гораздо исправнѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ они пишутся на гербовую бумагу. Знаете ли, какъ безграмотный Уральскій казакъ стращаетъ и грозитъ должнику своему, если этотъ не уплачиваетъ ему въ срокъ долга?

Онъ приходитъ къ нему на домъ съ биркой, на которой нарѣзанъ долгъ, рублями и десятками, то есть зарубками и крестиками, и пришедши съ биркой и съ ножемъ, говоритъ должнику: эй братъ, отдай чужое — эй отдай: гляди *срѣжу*, право срѣжу! И этого слова, этого безчестія Уральскій торговый Казакъ боится; срѣзать долгъ съ бирки, значитъ уничтожить его, несчитать его и долгомъ, потому что нѣтъ надежды его получить. Это было бы тоже, или еще хуже того, какъ если бы кто нибудь вздумалъ вынести на биржу вексель первостатейнаго купца и разорвать его при сотнѣ свидѣтелей.

И такъ Маіоръ привезъ въ аулъ свой хлѣбъ сполна и пріѣхалъ еще на знатной лошади — и былъ доволенъ; но не такъ думалъ старикъ Сакалбай, потому что Маіоръ привезъ съ собою и долгъ. Старикъ разсердился, прогналъ Маіора, и только на третій день взглянулъ украдкой на новую лошадь его. «И ты не видишь,» сказалъ онъ, «что это выкормокъ хлѣбный и больше ничего? Казаки говорятъ, что наша степная

лошадь, травяной мѣшокъ; а это что? Отъ овса, правда, рубашка подъ тѣломъ закладывается, лошадь не толста, да плотна живетъ; а это выкормокъ, только на то и ходили за нимъ, чтобы обмануть такого дурака, какъ ты. За это вотъ тебѣ: я на весну не выплачу Карасакалъ–батырю ничего калыму, пусть еще годъ пройдетъ, а ты дожидайся; авось поумнѣешь. Теперь еще больно глупъ.» Стыдно стало Маіору и досадно; да нечего дѣлать; отошелъ молча и понурилъ голову.

Такимъ образомъ тотъ же Казакъ, который вѣрилъ Киргизцу на слово въ баранахъ до весны, который счелъ бы величайшимъ для себя безчестіемъ, если бы товарищъ къ нему пришелъ съ биркой, и сказалъ бы: *срѣжу* — тотъ же казакъ ни на минуту не призадумается обмануть кого бы то ни было, продавъ негодную клячу за добраго коня. Развѣ у него глазъ нѣту? спросилъ бы онъ, вытаращивъ самъ на тебя глаза; нешто онъ затылкомъ глядѣлъ? И также точно Кайсакъ съ своей стороны пригонитъ и передастъ счетомъ долговыхъ

овецъ своихъ, какъ сдѣлалъ въ свое время и Сакалбай нашъ, но если будетъ случай — придетъ и украдетъ ихъ опять и угонитъ. Развѣ я ему пастухъ? скажетъ онъ; для чего онъ не смотритъ за добромъ своимъ?

Между тѣмъ какъ все это дѣлалось на юго–западѣ, у Баюлинцевъ съ Уральцами, на сѣверо–востокѣ, противу Орска, куда прикочевали на мѣну Чумекейцы наши, происходило другое. И Баюлинцы жаловались уже, какъ мы слышали, на слѣдствія по степнымъ паламъ и потравамъ — а Чумекейцы встрѣтили, не ожидая того, не вдалекѣ отъ линіи также слѣдователя. Дѣло было запутанное и завязалось по доносу таможеннаго чиновника, по доносу о безпошлинномъ, тайномъ провозѣ нѣкоторыми караванбашами разныхъ товаровъ, и по жалобѣ Бохарскихъ купцовъ на какія–то притѣсненія по расчетамъ съ возчиками. Все это было спутано вмѣстѣ, и переписка шла по тремъ, четыремъ вѣдомствамъ, неутомимая. Искали тутъ какого–то общаго, огромнаго злоупотребленія, и

чиновникъ былъ присланъ издалека произвести строжайшее слѣдствіе.

Великій мужъ этотъ, со своими понятіями о *дѣлѣ*, *дѣлопроизводствѣ* и *слѣдствіи*, выѣхалъ въ сопровожденіи помощниковъ и небольшаго отряда съ девятью стопами бумаги на встрѣчу Чумекейцамъ. Онъ собирался, какъ видите, пустить въ свѣтъ девять томовъ, столповъ, или *топъ*, какъ самъ онъ ихъ называлъ. Чумекейцы, не чуя никакого горя, врѣзались прямо навстрѣчу нашему безсребреннику; разбирательство началось огромное, по множеству прикосновенныхъ свидѣтелей, и вовсе постороннихъ, которые однако же всѣ, для полноты дѣла, должны были быть опрошены. Кайсаковъ водили въ ставку слѣдователя ежедневно десятками; между тѣмъ было задержано подъ карауломъ еще очень не много: кто только полагалъ, что дѣло можетъ его коснуться, убирался заблаговременно въ чистое поле, и Алексѣю Ѳедоровичу приходилось по неволѣ оставлять въ дѣлѣ много пробѣловъ. Аулы Чумекейцевъ раздумали итти на

мѣну, начали все по немногу отступать, подъ предлогомъ недостатка корма для скота. Алексѣй Ѳедоровичъ подвигался съ ними, не допуская никакихъ насильственныхъ мѣръ для удержанія ихъ: онъ былъ врагъ всякихъ притѣсненій; Чумекейцы отправляли каждую ночь табуны и стада свои, бабъ и дѣтей, все далѣе назадъ, и дѣло кончилось тѣмъ, что не исписавъ еще и третьей стопы, Алексѣй Ѳедоровичъ въ одно прекрасное осеннее утро увидѣлъ себя съ небольшимъ отрядцемъ своимъ, на мѣстѣ ночлега, одного; на всемъ видимомъ пространствѣ не было ни одной кибитки, ни скотины, ни человѣка — и онъ, надивившись досыта, возвратился благополучно на линію, съ трофеями своими, съ двумя задержанными уже прежде, по *прикосновенности* ихъ, Кайсаками. Товарищи покинули ихъ, а сами убрались на просторъ, шли сколько силъ было, все дальше въ степь, нагоняя другъ друга какъ могли и успѣвали. Такое бѣгство иногда совершается въ порядкѣ, если успѣваютъ забирать съ собою все

имущество, не бывъ настигаемы непріятелемъ; но иногда Киргизы бѣгутъ, при нечаянномъ нападеніи на нихъ, въ такомъ страхѣ и съ такою поспѣшностію, что не только покидаютъ кибитки свои, рогатый скотъ, барановъ, угоняя однихъ лошадей и верблюдовъ, но бросаютъ даже старухъ и хворыхъ стариковъ, грудныхъ дѣтей, которымъ врываютъ въ землю по уши чугунные котлы свои, наливъ ихъ молокомъ или кумызомъ.

Когда только часть Чумекейцевъ успѣла перейти вершины Илека, направляясь черезъ пески Барсукъ къ Сары–чаганаку и Сыру, они на поспѣшномъ бѣгствѣ растянулись, растерялись и какая–то шайка Семиродцевъ, изъ числа Таминцевъ, ходившая по своимъ счетамъ на баранту къ Аллимолинцамъ и именно къ Тляу–Кабакамъ, на вершины Эмбы, наткнулась случайно на табуны Чумекейцевъ. Такого удобнаго случая упустить было грѣшно, и шайка захватила что могла. Тутъ были также лошади Карасакалъ–батыря: онъ оставилъ аулы свои, выждалъ заднихъ,

набралъ съ сотню удальцовъ, пошелъ въ погоню за шайкой, но не нагналъ ея, а нашедши по рѣкѣ Уилу другіе аулы Семиродцевъ, которые можетъ быть и не знали о походѣ и удачномъ поискѣ земляковъ своихъ, Чумекейцы наши въ свою очередь удовлетворили себя тѣмъ, что могли захватить тутъ, и поспѣшно ушли вслѣдъ за аулами своими, угоняя добычу; миновавъ же благополучно Барсуки, Каракумъ, а наконецъ и самую рѣку Сыръ, они расположились тамъ на зимовье.

Вотъ похожденія Чумекейцевъ въ эту осень, отъ коихъ зависѣла, по видимому, судьба нашихъ молодыхъ, нашего пріятеля Маіора и 14–ти лѣтней Майны. Эта часть Чумекейцевъ, поколѣніе Наурузбай, къ коему принадлежали аулы Карасакалъ–батыря, опасаясь поисковъ съ линіи, по неоконченному слѣдствію Алексѣя Ѳедоровича, поссорившись съ Семиродцами, которые занимаютъ большую часть Западной степи, и опасаясь мести ихъ, не смѣла показываться въ ихъ сосѣдствѣ, не только при линіи, и потому

разсудила остаться на нѣсколько лѣтъ за рѣкою Сыромъ, кочуя въ камышахъ, лугахъ и топяхъ между этою рѣкою и другимъ рукавомъ ея, Кубаномъ. Угроза Сакалбая, не выплатить на другую весну калыма за Маіора и заставить его обождать съ годъ, въ надеждѣ что авось–де онъ поумнѣетъ, не только исполнилась сама собою, потому что Баюлинцы не имѣли никакихъ сношеній съ отдаленными Наурузбайцами, но прошло цѣлыхъ три года, впродолженіи коихъ не болѣе трехъ разъ была какая нибудь вѣсть черезъ хабарчіевъ, вѣстовщиковъ, пріѣзжавшихъ случайно съ караванныхъ путей, вѣсть отъ Карасакалъ–батыря, что онъ–де живъ и здоровъ, и поставилъ подъ караванъ столько–то верблюдовъ — а объ Майнѣ ни слова. Маіоръ ожидалъ спокойно, чѣмъ судьба его рѣшится, когда придетъ пора его, и скоро ли онъ поумнѣетъ, и затягивалъ иногда высокимъ строемъ и тоскливымъ напѣвомъ пѣсенку въ память Майны; и самъ Сакалбай поджидалъ съ весны на осень, съ осени на весну, не

кончатъ ли дѣла свои Наурузбайцы, и не пойдутъ ли они къ линіи обычнымъ своимъ путемъ. Но три года прошли, а ихъ не видать. Надобно бы думать, что они жили тамъ спокойно, что ихъ никто не трогалъ и не обижалъ, коли они тамъ оставались — но это было не совсѣмъ такъ; на Сырѣ и Куванѣ Хивинцы приняли Чумекейцевъ въ ежовыя рукавицы свои — брали все, что хотѣли, били ихъ, даже убили нѣсколькихъ человѣкъ — не производя никакихъ слѣдствій и не сажая никого подъ караулъ, а и того менѣе въ острогъ, а расчитывались всегда на мѣстѣ и Чумекейцы оставались спокойно на своихъ кочевкахъ. Сборщики податей пріѣзжали, требовали сороковину, выбирали въ счетъ закята, подати, лучшій скотъ, брали еще что имъ нравилось, безчинствовали; Наурузбайцы иногда, вышедъ изъ терпѣнія, сопротивлялись — тогда Хивинцы принимались за расправу, били и рѣзали около себя, кого могли перваго захватить — остальные всѣ винились, отдавали что хотѣли взять съ

нихъ, и тѣмъ дѣло было кончено. Послѣ расправы бѣжать поздно, да и не для чего.

Въ Хивѣ и Бохарѣ одно только торгующее сословіе знаетъ грамотѣ; чиновные и должностные пренебрегаютъ всякимъ ученьемъ, и увѣряютъ, что имъ некогда заниматься пустяками: они только умѣютъ воевать и управлять. Въ примѣръ, какъ они умѣютъ воевать, они расказываютъ вамъ, сохранившіяся еще по преданію, сказки о Чингисѣ и Тимурѣ, и все это принимаютъ лично на себя, будто они сами сдѣлали все это вчера или сегодня. Но это въ сторону; я хотѣлъ только сказать, что купцы Азіатскіе всѣ почти знаютъ грамотѣ, и главное умѣнье писать, все краснорѣчіе письменнаго слога, состоитъ у нихъ въ необъятной напыщенности, громкомъ и важномъ пустословіи, которому позавидовали бы французскіе классики прошлаго столѣтія. Карасакалъ–батырь не надѣялся сойтись когда нибудь съ Баюлинцами, сношенія съ сватомъ были прерваны повидимому навсегда, или на долго; дочь подросла, два,

три жениха напрашивались — что ее держать? лучше взять калымъ, да отдать съ рукъ. Карасакалъ дѣйствительно просваталъ Майну за Дюртъ–каринца, нынѣшняго сосѣда своего, получилъ уже часть калыма и воспользовшись дневкой проходившаго каравана, пригласилъ къ себѣ грамотѣя, напоилъ его кумызомъ, накормилъ салмой и заставилъ написать письмо къ Сакалбаю, старому пріятелю, съ которымъ ссориться не хотѣлъ, — о нынѣшнихъ своихъ обстоятельствахъ. Кончивъ письмо, грамотѣй сталъ читать его вслухъ:

«Точка воззванія излагаетъ недостойное почтеніе свое на страницѣ уваженія: рабъ праха стопъ вашихъ, употребляющій прахъ этотъ вмѣсто сурьмы къ бровямъ своимъ, проситъ отъ Всевышняго на долю вашу счастія и благополучія, въ честь и славу великаго посла Аллаха (да будетъ чтима память его), проситъ со слезами и отдавая на жертву за васъ себя и своихъ, чтобы вы вѣчно возсѣдали на престолѣ исполненія всѣхъ желаній своихъ. И если исполнится

молитва наша, то мы, нижайшіе рабы ваши, пишемъ нынѣ къ знаменамъ вѣры, повелителямъ на престолѣ судебъ, собирателямъ святыхъ пророческихъ преданій, рудникамъ познанія истинной вѣры, свѣтильникамъ просвѣщенія, ходящимъ по сирату (*) столпамъ правды, обладателямъ великихъ почестей и совершенства. Да будетъ вѣдомо вамъ, что судьбы Всевышняго къ намъ непримиримы; тщетно надѣялись мы на молитвы ваши, видно вы насъ забыли. Всемѣрно желая исполнить данное вамъ слово, мы терпѣливо переносили бремя налегающихъ на насъ лѣтъ, тѣмъ болѣе, что дочь наша Майна еще только подростала. И теперь не желаемъ мы воспользоваться задаромъ приношеніемъ вашимъ, хотя великодушіе сердца вашего намъ вполнѣ извѣстно; нѣтъ однако же средствъ возвратить вамъ уплаченный вами отчасти калымъ; итти въ вашу сторону мы не смѣемъ, потому что мы въ войнѣ съ Семиродцами, и Русскіе

(*) Мостъ, ведущій въ рай.

считаютъ за нами *слѣдствіе* (*). Посему, призывая Бога на помощь и не отчаяваясь по милости Его удовлетворить васъ со временемъ, мы разсудили принять калымъ отъ любезнаго намъ нынѣ, въ плачевной юдоли нашей, Султана Беркута сына Юлбарсова, имѣющаго пребываніе въ родѣ Дюртъ–кара, отъ устья рѣкъ Сыра и Кувана, до озеръ Аксакалъ–барбы и далѣе; бѣлая кость Султана Беркута несомнѣнна, но я бы не промѣнялъ на нее болѣе мнѣ любезной отрасли вашего почетнаго племени, коимъ славится вселенная, хотя султанъ и прислалъ мнѣ въ первую осень задатку 40 овецъ и семь козъ ягненныхъ; я не принялъ бы и этого, если бы неумолимая судьба не разлучила насъ съ вами навсегда, не внемля моимъ грѣшнымъ молитвамъ и не слыша отъ васъ памяти объ насъ недостойныхъ.»

— Оу! берекалда, берекалда! — закричалъ Карасакалъ–батырь, когда, стянувъ губы въ жемочекъ, поднявъ высоко

(*) Слово это, какъ техническое, было написано Татарскимъ письмомъ по Русски.

брови и вытаращивъ глаза, дослушался до конца письма — прекрасно, превосходно!

Письмо это шло до мѣста назначенія своего, до Сакалбая, мѣсяцевъ пять, но наконецъ дошло таки исправно. Оно пришло съ караваномъ въ Орскъ, тамъ было передано Каргалинскому Татарину, который выѣхалъ на мѣну ни съ чѣмъ, въ легонькой порожней телегѣ, въ которой лежалъ: самоваръ, подушка, аршинъ и безменъ — и только; а возвращался, разжившись Богъ вѣсть съ чего, въ повозкѣ съ вирхомъ, въ лапчатомъ лисьемъ тулупѣ, растянувшись на перинѣ, и пилъ дорогою чай ровно пять разъ на день. Въ Оренбургѣ письмо передано было на мѣновомъ дворѣ какимъ–то Кайсакамъ, ѣхавшимъ съ мѣны въ степь, и наконецъ, черезъ десятыя руки, заставъ Сакалбая противъ Сахарной, вручено ему исправно. Но этого мало: надобно было прочитать его; и тутъ прошло съ недѣлю времени, покуда собрались, да нашли грамотѣя. Старикъ сначала слушалъ, нагнувшись сидя впередъ, уставивъ глаза на бумагу, улыбаясь и поглаживая бородку;

онъ заставлялъ повторять каждое слово, каждую строчку, указывая пальцемъ не впопадъ на бумагу, тѣшился и былъ доволенъ. Когда же поклоны и пожеланія кончились, и дочитались до дѣла, то Сакалбай наморщился, подперся локтемъ и молча отдувался. «Старый плутъ!» сказалъ онъ наконецъ, когда все письмо было въ десятый разъ перечитано и растолковано; «старый плутъ! а бараны мои за нимъ пропадутъ? Развѣ я на то выплатилъ ему по уговору задатокъ калыма, чтобы онъ ушелъ въ Дюртъ–каринцы, и сидѣлъ тамъ, да отдалъ дѣвку за султана? Шайтанъ его возьми, султана! кто ему велѣлъ отбивать чужихъ дѣвокъ, да еще и сосватанныхъ?»

Маіоръ принялъ вѣсть эту, по благодатному тѣло– и духо–сложенію своему, какъ казалось, довольно равнодушно; онъ въ теченіе трехъ лѣтъ привыкъ уже къ тщетнымъ ожиданіямъ, и не зная, что отвѣчать на вѣсть эту, молчалъ и глядѣлъ въ землю. Но ему стали больно надоѣдать насмѣшками, не давали проходу, ни покою; а отецъ грызъ ему голову,

попрекалъ, что потерялъ за него столько–то барановъ; бранилъ, что онъ не хлопочетъ о невѣстѣ своей, стращалъ, что не станетъ сватать за него другой, хотя бѣдному Маіору нечего было дѣлать, какъ слушать и молчать.

Клинообразная равнина между рѣками Сыръ и Куванъ принадлежитъ къ плодороднѣйшимъ пространствамъ степи. На сѣверъ отъ Сыра растилаются пески Кара–кумъ, на югъ отъ Кувана совершенно безводные, на пяти дняхъ ходу, пески Кизылъ–кумъ — а тутъ, въ срединѣ, сочные зеленые луга, перемежающіеся изрѣдка песчаными и красноглинистыми полосами, по коимъ разсыпаны горькія, соленыя и прѣсныя озера; копани или колодцы всѣ мелки; вода есть на каждой точкѣ, но только подъ песчаной почвой прѣсная, а въ глинѣ горькая. Ближе къ морю солончаки, топи и не обозримые камыши. Всюду разсыпаны лѣсочки саксаулу, хрупкаго, жесткаго, тяжелаго дерева, которое даетъ лучшее топливо. Здѣсь кочевали Наурузбайцы, передвигаясь туда и сюда,

внизъ и вверхъ по Сыру и по Кувану. Майнѣ было уже лѣтъ 16; какъ въ первый разъ отецъ просваталъ ее, не спросясь ея совѣта или согласія, такъ и въ другой; но она уже знала и видала нѣсколько разъ султана Беркута Юлбарсова, и выборъ этотъ былъ не по ней.

Беркутъ, то есть орелъ, сынъ Юлбарса, то есть тигра, какъ у насъ говорятъ обыкновенно, или по Русски, бабра — это громкое имя и прозваніе; царь пернатыхъ и первый за львомъ сановникъ и вельможа четвероногихъ. Но султанъ, въ томъ видѣ по крайней мѣрѣ, какъ онъ былъ нынѣ, вовсе не отвѣчалъ собою на громкое имя свое: ему было за 60 лѣтъ; дряхлый, ничтожный старичишка, женатый на трехъ женахъ, вздумалъ онъ жениться еще на четвертой, и избралъ Майну, которая ему приглянулась. Онъ зналъ на память двѣ, три молитвы изъ Корана, разумѣется не понимая ихъ; твердо помнилъ наизустъ всѣ 14 колѣнъ родословнаго древа своего отъ Чингиса и утѣшался твердой надеждой, что въ немъ по крайней мѣрѣ поколѣніе

знаменитаго завоевателя не прекратится, потому что произвелъ на свѣтъ огромный аулъ наслѣдниковъ: семнадцать однихъ сыновей, не говоря о внучатахъ. Дочерей онъ не считалъ: это товаръ для сбыту, больше ничего. Но Беркутъ жилъ между Дюртъ–каринцами безъ имени и вѣсу, и отличался тѣмъ только отъ прочихъ Кайсаковъ, что ему говорили: *таксыръ* (*). Самъ онъ былъ собою очень доволенъ и зналъ все: такъ напримѣръ, когда одинъ Караванъ–башъ попотчивалъ султана на дневкѣ чаемъ, котораго этотъ родясь не видывалъ, то Беркутъ Юлбарсовъ не хотѣлъ показать даже и въ этомъ дѣлѣ невѣжество свое, а сказалъ, прихлебывая: «знаю я чай этотъ, знаю — его дѣлаетъ какая–то птица, комаръ ли, осали; только онъ жидокъ что–то у тебя и несладокъ.» Изъ этого надо догадываться, что султанъ слышалъ когда–то и что–то про медъ, который пьютъ съ чаемъ, и полагая, что его потчуютъ медомъ, находилъ его жидкимъ и несладкимъ.

(*) Такъ чествуютъ султановъ: благородіе, сіятельство.

Какъ бы то ни было, но вотъ онъ женихъ Майны. Дѣваться ей отъ него некуда, согласія или несогласія никто у нея не спрашивалъ. Она умоляла отца, говорила: «у меня есть женихъ; ты же самъ меня просваталъ, ты велѣлъ намъ слюбиться — развѣ бываетъ у дѣвокъ по два жениха? Это стыдъ и позоръ передъ людьми! Я, воля твоя, своего не покину. Что мнѣ до султана Беркута — мало ли стариковъ таскается по бѣлому свѣту, такъ развѣ они всѣ мнѣ женихи?» Но никто не слушалъ Майны, и дряхлый старичишка, разодѣвшись женихомъ, пріѣзжаетъ, по обычаю, какъ двадцатилѣтній Маіоръ четыре года тому, на тайное съ невѣстой свиданіе. Свиданіе это рѣшило все: истощивъ слезы и просьбы у отца, она твердо намѣрилась бѣжать за Илекъ и Темиръ, къ Баюлинцамъ, отыскать своего Маіора и тѣмъ отдѣлаться отъ Беркута.

Рѣшиться было ей не трудно, но какъ исполнить это, какъ уйти и достигнуть благополучно обѣтованной для нея страны, черезъ 800 верстъ голодной степи, и какъ

исполнить это дѣвкѣ, одной, когда такая поѣздка, черезъ тысячи опасностей, устрашаетъ иногда и порядочнаго мужчину, Кайсака, который пускается въ путь съ большими предосторожностями и соображеніемъ? Но Майну, легкомысленную, скорую, бойкую и предпріимчивую, все это не устрашало; она начала тайно готовиться въ путь и пріискивала себѣ въ мысляхъ товарища.

Во первыхъ, она заготовила по немногу запасъ дорожной пищи, то есть круту, сушенаго сыру; и это ей, занимавшейся хозяйствомъ отца, было не трудно. Она откладывала день за день нѣсколько комочковъ, а ночью уносила ихъ и зарывала въ одно мѣсто въ песокъ. За тѣмъ, высмотрѣла она себѣ пару добрыхъ коней, въ табунѣ отцовскомъ, и братній чапанъ, тумакъ, поясъ и оружіе: она хотѣла одѣться мужчиной. Случай этотъ тѣмъ любопытнѣе, что онъ не выдуманъ, что расказъ этотъ заключаетъ въ себѣ одну только истину.

Потомъ Майна стала искать себѣ попутчика и вожака; она не знала мѣстъ и одной пуститься въ такой путь было слишкомъ опасно. Тутъ предстоитъ намъ вывести передъ читателя новое, также дѣйствительно бывалое лицо.

У Карасакала жилъ уже года два работникъ, пастухъ, безродный Дюртъ–каринецъ, за насущный хлѣбъ. У лошади, на которой онъ пасъ табуны хозяйскіе, голодные верблюды отъѣли зимою хвостъ по самую рѣпицу, и кляча стала куцая. На ней–то бодро разъѣзжалъ молодецъ нашъ, сгоняя стада грубымъ, сиплымъ и дикимъ голосомъ своимъ, и самъ получилъ за это прозвище Куцаго. Ему было лѣтъ за 40; крѣпкаго, здороваго тѣлосложенія, былъ онъ, особенно въ своей одеждѣ, уродъ, на котораго не льзя было смотрѣть безъ смѣху. Ростомъ не великъ, въ плечахъ широкъ, съ коротенькими ножками, огромной головой и еще огромнѣйшими ушами, подслѣповатыми глазами, представлялъ онъ собою живой Бурятскій кумирчикъ, какъ отливаются они изъ мѣди

или фарфора. Широкія костлявыя скулы давали уродливой головѣ его точный видъ нашего самовара, гдѣ уши вершка въ три, отставшіе отъ головы, представляли, какъ нельзя лучше, ручки. Безпрестанное усиліе раскрыть глаза пошире, Куцому нашему не помогало; находясь на плоскомъ, какъ доска, лицѣ, въ уровень со скулами, глаза у него, казалось, были чужіе, вставлены только насмѣхъ, и вѣки надъ ними по угламъ зашиты — оттого самоваръ и моргалъ ими безпрестанно, тщетно стараясь проглянуть. Носъ подъ широкимъ лбомъ, гдѣ морщины лежали во всю длину толщиною въ добрый палецъ, носъ казался какой–то замысловатой постройки, горбомъ и крючкомъ; усы у Куцаго были кой–какіе, почему и говорили люди, что у него подъ носомъ взошло, хоть въ головѣ и не засѣяно — а вмѣсто бороды, не болѣе семи или девяти волосъ, вершка въ три. Губы средней толщины, но ротъ рѣшительно по уши; когда Куцый объяснялся, какъ обыкновенно, съ большимъ жаромъ, растаращивъ пальцы, нагнувшись всѣмъ

тѣломъ впередъ, выпятивъ на четверть подбородокъ, поматывая головой и давая полную свободу выразительной игрѣ мышцъ, или лучше сказать сухожилья, на лицѣ своемъ, то вы видѣли передъ собою волчью пасть необъятной глубины, настоящую пропасть, передъ которою голова кружилась; она смыкалась и разверзалась передъ вами съ быстротою молніи, и вы видѣли въ ней все, до самого дна, почти до самого желудка, и могли пересчитать 32 бѣлыхъ и здоровыхъ зуба, ни въ чемъ не уступающихъ самымъ отборнымъ волчьимъ зубамъ. Къ этому остается только еще прибавить, что Куцый лѣто и зиму ходилъ въ одномъ платьѣ: въ нагольномъ, косматомъ тумакѣ или малахаѣ, который превращалъ и безъ того ужи несоразмѣрно большую голову его въ пирамидальную гору; въ стеганомъ, полосатомъ халатѣ, покрытомъ до послѣдней нитки заплатками всѣхъ цвѣтовъ и родовъ: шелковыми, бязевыми, ситцевыми, суконными, наконецъ кожаными и мѣховыми. Лучшее мѣсто на

халатѣ былъ лоскутъ алаго сукна, съ ладонь, положенный на спинѣ, между лопатокъ: тутъ была зашита спасительная молитва, которая однако же не спасала Куцаго отъ частыхъ побоевъ толстою плетью по этому же самому мѣсту. Халатъ, чтобы не безобразить стана, закладывался разъ навсегда полами въ широкіе кожаные шаравары и вздувалъ ихъ, спереди и сзади и съ боковъ горою: штаны съуживались по ногамъ клинообразно и оканчивались немного ниже того, гдѣ начинались голенища, то есть вполголени. Куцый обрѣзалъ ихъ на четверть, употребивъ обрѣзки на заплатки, и разсудивъ весьма основательно, что въ низу, гдѣ уже есть около ноги голенище толстой юфти, кожѣ болтаться не для чего; она изнашивается безъ всякой пользы. Отъ всегдашней верховой ѣзды, ноги образовали у Куцаго, каждая, почти полукружіе; и если каблуки сходились вмѣстѣ, то колѣно было отъ колѣна еще какъ Москва отъ Питера. На ходу Куцый переваливался какимъ–то носорогомъ, растаращивая пальцы,

продирая усильно глаза и упираясь въ обѣ стороны на воздухѣ ладонями, чтобы сохранить по возможности равновѣсіе.

Куцый служилъ шутомъ или дурачкомъ для всѣхъ кочевыхъ обитателей цѣлаго пространства между Сыромъ и Кубаномъ; никто, ниже послѣдній мальчишка или дѣвчонка, не могли съ нимъ сойтись или встрѣтиться не захохотавъ и не поднявъ его на смѣхъ. На всѣ пиры звали Куцаго, потому что онъ былъ плясунъ и тѣшилъ зрителей ломкой и пляской своей среди знойнаго азіатскаго лѣта, по нѣскольку часовъ сряду, не сымая ни теплаго халата съ плечъ, ни мохнатаго малахая съ головы. Общественной пляски у Азіатцевъ вообще нѣтъ: плясуны у нихъ то, что у насъ фигляры. Слабость нашего Куцаго были женщины, женитьба; онъ все еще былъ холостъ, какъ бѣднякъ и дуракъ; но охотнѣе всего говаривалъ о сватовствѣ, и вызвавшись въ сваты ему, можно было сдѣлать изъ него все, что угодно. Онъ становился среди чистаго поля на голову, и стоялъ такъ полчаса сряду, поматывая и

подергивая замысловато ногами, если какая нибудь баба его о томъ мимоходомъ просила, и былъ порученіемъ этимъ всегда очень доволенъ. Другая слабость Куцаго была ненасытная утроба его, и шутка, на которую въ былыя времена еще съ нимъ пускались, заставивъ съѣсть въ одинъ присѣстъ цѣлаго барана, обглодавъ всѣ косточки, съ уговоромъ, получить 500 плетей, если чего не доѣстъ — шутка эта давно уже потеряла всякую цѣну и вышла изъ употребленія: не было во всей степи дурака, который бы кинулъ ему барана ни за грошъ; Куцый былъ такъ неостороженъ, что съѣдалъ каждый разъ барана, какъ нашъ братъ перепелку, и не далъ, къ неудовольствію зрителей, высѣчь себя ни разу; напротивъ, онъ облизывалъ пальцы, высасывалъ косточки, и жаловался, что его обманули, что баранъ этотъ вѣрно еще не перегодовалъ. Послѣ такой продѣлки, Куцый ложился, какъ случалось, къ верху брюхомъ или къ верху спиной, на солнце, накрывалъ голову малахаемъ своимъ, и спалъ сутки двое или трое, вставая только

поразу въ день, чтобы выпить миску воды, съ наше Русское ведро.

На это–то сокровище Майна основала всѣ надежды свои; здоровъ какъ быкъ, довольно глупъ и безсмысленъ, чтобы заставить его умѣючи сдѣлать все и повѣрить всему; снабженъ отъ природы достаточнымъ чутьемъ и памятью мѣстности, чтобы служить вожакомъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ ему однажды на вѣку своемъ быть случалось — всѣ эти соображенія не обманули Майну, и выборъ ея былъ удаченъ. Этого урода душой и тѣломъ увѣрила она, что страстно въ него влюблена; а какъ отецъ конечно никогда не согласится отдать ему ее, то и предложила, какъ одно средство и спасеніе, бѣжать съ нимъ къ Нижней линіи нашей, подъ защиту Русскихъ или Султана–Правителя. Молодецъ нашъ давно слышалъ, отъ сотни людей, которые вѣчно надъ нимъ трунили, что на немъ лежитъ большой чинъ, а потому и повѣрилъ охотно, что дѣвка скорѣе согласится вытти за него, чѣмъ за Маіора — или за старика Беркута, въ

сравненіи съ коимъ Куцый считалъ себя красавцемъ. Онъ увивался съ этой минуты украдкой вокругъ Майны и отъ ласкъ его спасала ее только острастка: «отвяжись лѣшій, не ходи за мной хвостомъ, а то люди смѣтятъ да скажутъ отцу, и онъ тебя прогонитъ.» Для подкрѣпленія жъ въ немъ вѣры и надежды, она позволила ему раза два украдкой поцѣловать руку свою, не знаю, случалось ли когда нибудь прежде и послѣ этого, чтобы влюбленный Кайсакъ цѣловалъ руки своей возлюбленной.

Приготовивъ все и выбравъ темную осеннюю ночь, Майна выползла изъ семейной кибитки, унесши съ собою подготовленный ею съ вечера братній чапанъ, малахай, сайдакъ со стрѣлами и лукъ; разбудила спавшаго подъ собачьимъ хребтомъ (*) Куцаго, прокралась вмѣстѣ съ нимъ къ табуну; здѣсь взяли они на выборъ, изъ коротко знакомыхъ имъ отцевскихъ коней, каждый по парѣ и осѣдлали ихъ; Майна второчила свой запасъ круту и кумызу; Куцый припасъ для

(*) Итъ–арка, собачій хребетъ — составленныя на скорую руку шатромъ двѣ кибиточныя рѣшетки и накрытыя кошмой.

себя также оружіе: огромный, семи–аршинный шестъ, заостренный на концѣ копьеобразно; и съ этимъ деревяннымъ копьемъ (**) рыцарь и герой нашъ пустился смѣло ратовать съ судьбою и съ людьми, за обожаемую имъ красавицу.

Путь лежалъ передъ бѣглянкою не малый и вовсе не безопасный. День доброй ѣзды до рѣки Сыра, потомъ надобно переплыть рѣку, тамъ три дня песками Каракумъ, три дня песками Барсукъ, сутки солончаками до Эмбы и еще двое, трое сутокъ, по обстоятельствамъ, до Ауловъ Баюлинцевъ — всего восемь, девять дней и почти столько же сотенъ верстъ, и все это надобно проѣхать украдкой, тайкомъ, чтобы други не нагнали, недруги не встрѣтили и никто не заподозрѣлъ. Надобно ѣхать ночью, съ большой оглядкой, чтобы вдругъ не наткнуться на кого нибудь, а днемъ лежать съ лошадьми въ оврагѣ, въ камышѣ, почти притаивъ

(**) Подобныхъ рыцарей деревяннаго копья можно не рѣдко встрѣтить за Ураломъ: идучи на одинъ только грабежъ и угонъ скота, Кайсаки избѣгаютъ по возможности убійства, за которымъ уже всегда слѣдуетъ сложная и большая вражда и расчеты, а потому нерѣдко довольствуются шестомъ вмѣсто копья, чтобы только спихнуть всадника и угнать табунъ его.

дыханіе. Похожденія и приключенія бѣглецовъ и землепроходцевъ въ степи Заяицкой иногда очень замѣчательны; иногда неимовѣрны. Недавно еще, строгою зимой, въ Декабрѣ, шайка поймала на перепутьи четырехъ вѣстовщиковъ, шедшихъ изъ Бохары. Ихъ обобрали до нитки, отняли все, провели еще переходъ или два голодомъ съ собою, а потомъ отпустили нагишемъ, оставивъ имъ, какъ послѣднее убѣжище, одно только огниво. Они высѣкли и развели огонь, обогрѣлись, потомъ двое побѣжали съ головнею впередъ и опять развели огонь — какъ дымокъ въ верстѣ закурился, такъ остальные двое пустились туда же; потомъ эти пошли впередъ, и чередуясь такимъ образомъ, они благополучно пробѣжали до двухъ сотъ верстъ, нагишемъ, по снѣгу, при сильной стужѣ и безъ всякой пищи. Тутъ они наткнулись на аулъ и были спасены. Кайсакъ не видитъ въ поступкѣ этомъ, обобрать беззащитнаго путника и погубить его, не видитъ безполезной, звѣрской и безсмысленной жестокости, которую мы въ

немъ видимъ; эти же четыре голыша, еслибъ имъ случилось когда нибудь быть на мѣстѣ грабителей своихъ, поступили бы, безъ сомнѣнія, съ первыми встрѣчными также. Нашъ отрядъ поймалъ однажды въ степи отъявленнаго вора и разбойника; связанный сидѣлъ онъ на землѣ. Кайсаки изъ ближнихъ ауловъ, частію служившіе намъ вожаками, обступили пойманнаго, ругались надъ нимъ, плевали на него, такъ что караулъ нашъ долженъ былъ ихъ отогнать. Прибѣгаетъ еще новый зритель, который, услышавъ о поимкѣ разбойника, спѣшилъ насладиться лицезрѣніемъ его, убѣдиться, дѣйствительно ли это онъ. Пришелъ, взглянулъ и ужаснулся! Всплеснувъ руками, начинаетъ онъ проклинать его въ глаза, старается разжалобить и его и всѣхъ свидѣтелей, расказывая сто разъ сряду, какимъ звѣрскимъ образомъ извергъ этотъ напалъ въ его отсутствіе на семейство его, угналъ скотъ, избилъ до полусмерти мать и жену, закинулъ ребенка въ рѣчку, и прочее. Тотъ долго молчалъ; наконецъ, покачавъ

головою, сказалъ спокойно: «Ты, я вижу, и былъ и вѣкъ будешь дуракомъ. Въ то время былъ ты дуракъ за то, что тебя не было дома, а теперь дуракъ, что сидишь дома; ты видишь, я связанъ: поѣзжай въ аулъ мой на расправу!»

Чета наша продневала первый день залегши въ прибережные камыши Сыра; и странное обстоятельство едва не передало ихъ обратно въ руки преслѣдователей — коимъ впрочемъ и преслѣдовать можно было только на–угадъ, не зная куда и зачѣмъ Майна бѣжала; — но вмѣсто того оно ускорило еще благополучное ихъ бѣгство. По множеству ауловъ и народа близъ Сыра, Майна не осмѣлилась бѣжать далѣе днемъ, а залегла съ расвѣтомъ, переправившись только вплавь черезъ рѣку, въ глухой, непроходимый камышъ, гдѣ путники наши наткнулись на узенькую тропинку. По этой же тропинкѣ шелъ въ то время имъ на встрѣчу хозяинъ и властелинъ не только проложенной имъ самимъ тропы, но и обитаемыхъ имъ камышей. Это былъ огромный, полосатый бабръ, или тигръ,

который валялъ въ одинъ прыжокъ, лучше всякаго коновала, самую крупную скотину. Онъ ходилъ на ночной промыслъ свой въ степь, и, напившись крови, возвращался обычнымъ путемъ съ расвѣтомъ въ свое логво. Майна и Куцый шли спѣшившись и вели лошадей въ поводу; почуявъ звѣря, кони вдругъ захрапѣли, и взметнувъ гривы, вырвались и пошли по камышамъ на проломъ. Майна съ провожатымъ своимъ кинулись нѣсколько въ сторону отъ тропинки, не могли проломиться по этой неимовѣрной чащѣ и остановились: сытый звѣрь прошелъ спокойно въ пяти шагахъ отъ нихъ и не обратилъ на незванныхъ гостей своихъ никакого вниманія. Обождавъ немного, они вышли снова на тропинку, спѣшили по ней въ степь, но лишившись коней, почти отчаявались въ возможности продолжать путь свой; оставалось развѣ заночевать тутъ, подползти ночью къ ближайшему аулу, высмотрѣть табуны, кинуться на лошадей и скакать. Майна рѣшилась и на это; а Куцый — надобно отдать ему

справедливость, не уступалъ ей въ храбрости и предпріимчивости. Но судьба избавила Майну отъ напасти: лошади ихъ стояли спокойно подъ степнымъ уваломъ и паслись, всѣ вмѣстѣ, на тучномъ болотѣ. Майна была въ неизъяснимой радости; ей казалось, что она теперь одолѣла всѣ бѣды и препятствія, и достигла уже отдаленной цѣли своей, до которой было еще болѣе 700 верстъ. Они проѣхали до самаго полудня, пробираясь сколько можно было оврагами, а въ барханахъ или песчаныхъ буграхъ Каракума, который весь походитъ на взволнованное бурею море, — углубленіями между бугровъ, и залегли въ скрытномъ мѣстѣ, поодаль отъ копаней или колодцевъ, чтобы на копаняхъ этихъ съ кѣмъ либо не столкнуться.

Такимъ образомъ, питаясь крутомъ, Майна съ Куцымъ своимъ добралась на шестую ночь благополучно до Эмбы, переѣхала ее вбродъ, и залегши въ кустахъ по рѣчкѣ, увидѣла на зарѣ вдалекѣ по Сырту (*) двухъ вершниковъ о двуконь и

(*) Сыртъ — водопускъ или раздѣленіе водъ.

узнала тотчасъ по пріемамъ ихъ, какой это народъ: это, безъ всякаго сомнѣнія, были караульчи, разъѣзды какой нибудь близкой шайки. Пускаясь на промыслы свои, Кайсаки каждый день съ зарею отправляютъ попарно разъѣзды; облетавъ о двуконь, на добрыхъ лошадяхъ, всю окрестность, сдѣлавъ иногда до 150 верстъ, разъѣзды возвращаются на сборное мѣсто, и доносятъ о томъ, что видѣли. Эти караулы замѣняютъ наши цѣпи, ведеты и разъѣзды; осмотрѣвъ такое огромное пространство, шайка идетъ или стоитъ на мѣстѣ спокойно, не опасаясь ничего. При нашей мѣстности этого было бы недостаточно; но въ степи, гдѣ глазъ свободно видитъ на десятокъ и болѣе верстъ, предосторожности этой довольно. Иногда впрочемъ и Кайсаки ставятъ, гдѣ нужно, отводный караулъ, и какъ искуснѣйшіе въ мірѣ воры, дѣлаютъ это мастерски. Разъѣздные, увидавъ какую нибудь конную толпу — пѣшей въ степи разумѣется не бываетъ — напередъ всего обманываютъ ее, если она ихъ уже

замѣтила, морочатъ, отводятъ, чтобы никакъ не дать угадать, гдѣ, въ которой сторонѣ, сидятъ ихъ товарищи. Разглядѣвъ и убѣдившись хорошенько, какъ сильны противники, караульчи располагаютъ по этому дѣйствіями своими; если тѣ слабы, то дразнятъ, заманиваютъ ихъ и наводятъ прямо на свою засаду; если непріятель не дается въ обманъ, удаляется, то скачутъ во весь духъ къ своимъ, даютъ маяки на кругахъ, чтобы поднять всѣхъ на коня; потомъ скачутъ и машутъ шапкой въ ту сторону, куда надо ѣхать, показывая нерѣдко туда и сюда, чтобы шайка раздѣлилась и старалась обскакать и отрѣзать бѣгущихъ. Тутъ уйти противнику очень трудно, потому что Кайсаки никогда не гонятся вслѣдъ, за исключеніемъ толпы, слѣдящей добычу свою по измятой травѣ и по свѣжему помету, между тѣмъ какъ остальные обхватываютъ бока и забираютъ впередъ. Если же открытая разъѣздомъ шайка сильнѣе, то караульчи ни за что не подадутся въ ту сторону гдѣ ихъ притонъ, а надѣясь на бѣгуновъ своихъ, отманиваютъ

шайку все далѣе, позволяютъ дать себѣ нѣсколько угонокъ въ противную сторону, пропадаютъ иногда отъ своихъ на сутки и болѣе, и возвращаются дальней околицей, когда уже успѣютъ скрыться отъ непріятеля.

И такъ Майна увидала на зарѣ пару такихъ караульчи: глаза у Кайсачки зорки, и она въ мигъ отличила, что это за люди. Если бы она увидала ихъ въ полдень — это бы значило, что шайка довольно далека; но утромъ, на зарѣ — это доказывало, что шайка стоитъ вплоть, потому что разъѣзды высылаются съ восходомъ солнца. Дѣлать нечего: Майна съ Куцымъ дали миновать себя вершникамъ, и когда они скрылись, поваляли лошадей своихъ въ кустарникѣ при рѣчкѣ и снова залегли. Куцый, который обыкновенно спалъ какъ убитый на всякой дневкѣ, не могъ теперь заснуть отъ страху, и растянувшись передъ Майной ничкомъ и загнувъ кверху голову, изъяснялся передъ нею самымъ страстнымъ потокомъ рѣчей. Майна принуждена была не только грозить ему нѣсколько разъ плетью, но ударить его

порядочно, чтобы хотя на время успокоить эту огненную сопку, и нагнать на нее, вмѣстѣ со страхомъ, кратковременную остуду.

Около полудня, вдругъ показалась на окраинѣ малой возвышенности, со стороны Уила, пыль — а вслѣдъ за нею и порядочная толпа, болѣе или менѣе вразбродъ. И такъ Майна не обманулась.

Мѣстоположенiе по сю сторону Эмбы, коей вершины отдѣляются отъ вершинъ Илека плоскимъ и широкимъ сыртомъ Буссага, ровное, гладкое: тутъ нѣтъ ни рытвины, ни оврага, ни кусточка, на нѣсколько десятковъ верстъ; слѣдовательно нынѣшнее убѣжище Майны, то есть самая долина Эмбы, было единственное, на большомъ пространствѣ. Бѣглянка съ проводникомъ своимъ пролежала притаившись еще часа три — и гроза миновалась, шайка прошла, прошедши въ виду ихъ Эмбу. Настали сумерки. Майна пустилась снова въ путь.

Но не успѣли путники наши отъѣхать пяти верстъ, какъ вдругъ услышали за

собою вплоть конскій топотъ. Они пустились скакать, но толпа неслась уже съ гикомъ за ними, на хвосту, и обскакивала ихъ съ боковъ. Это была таже шайка, которая днемъ переправилась за Эмбу; внезапная перемѣна направленія пути ихъ произошла вотъ отъ чего: одинъ изъ разъѣздовъ привезъ возвратившись какой–то гостинецъ, завязанный въ концѣ кушака; всѣ обступили вѣстниковъ, кричали, шумѣли, разглядывали и передавали изъ рукъ въ руки диковинку, и вдругъ единогласно положили ѣхать поспѣшно назадъ. Диковинка эта была не иное что, какъ комокъ свѣжаго конскаго помету, въ которомъ нашли нѣсколько зеренъ овса. Эти невинныя зирна не рѣдко встревоживаютъ мигомъ сотни ауловъ; не мудрено, что шайка наша также казалась крѣпко озабоченною. Эти зерна, овесъ, доказывали неоспоримымъ образомъ, что шайка едва не напоролась на Русскій отрядъ, также точно, какъ ячмень или джугары въ пометѣ доказывали бы присутствіе Хивинцевъ или Туркменъ.

Убоясь встрѣчи съ нашимъ поискнымъ отрядомъ, шайка обратилась вспять, настигла случайно путниковъ нашихъ, и быстро, неутомимо ихъ преслѣдовала.

Подъ Майной были два лучшихъ коня, одинъ подъ верхомъ, другой также осѣдланный, въ поводу. Куцый, хотя выѣхалъ на этотъ разъ въ поле не на куцомъ своемъ, а также на парѣ добрыхъ коней, былъ однако же вскорѣ отхваченъ, спотыкнулся еще, ткнувъ огромнымъ шестомъ своимъ на перевѣсѣ въ землю, потомъ сбитъ съ сѣдла и взятъ. Майна неслась во всѣ повода, въ потьмахъ, не разбирая пути куда мчались кони; она взрѣзала на скаку сѣдельную подушку свою и выхватывая изъ нея цѣлыя горсти пуху, пускала его за собою, въ глаза настигавшей ее погони, людей и лошадей. Мало по малу шайка растянулась, стала отставать, но человѣка три налегали сильно, и одинъ, съ боку, нѣсколько разъ едва не заскакивалъ впередъ. Майна бросила повода лошадей, связавъ ихъ вмѣстѣ, выхватила съ пятокъ стрѣлъ и лукъ, чего

преслѣдователи не могли въ потьмахъ разглядѣть, оборотилась вполъ–оборота назадъ, привставъ на стремена, пустила стрѣлу, другую, третью, вытянувъ тетиву, какъ видѣла и слышала отъ брата, во всю стрѣлу, по самое копейцо — стрѣла тихо шикнула, едва слышно, безъ шуму и грохоту нашего огнестрѣльнаго оружія — и бойкій всадникъ пошатнулся, закричалъ: убили меня, умираю — погоня отстала и черезъ четвертъ часа все вокругъ Майны утихло. Она остановилась, дала вздохнуть лошадямъ, и стала выжидать и прислушиваться осторожно, что будетъ.

Майна знала обычаи земляковъ своихъ, знала, что спутника ея, если онъ и попался въ руки непріятелей — чего она однако же по темнотѣ не видала — что плѣнника такого роду не лишатъ жизни, а только поколотятъ и оберутъ; ей стало жаль своего Куцаго, и она рѣшилась проѣхать осторожно нѣсколько верстъ назадъ, до того мѣста, гдѣ она потеряла друга, и поискать его. Шайка пронеслась стороною, по теченію Эмбы, между тѣмъ какъ Майна

приняла съ вечера отъ Эмбы прямо на Уилъ.

Проѣхавъ шагомъ, съ осторожностію и разстановками, верстъ пять, шесть, Майнѣ показалось, что она послышала стонъ. Остановившись и вслушавшись, она осторожно поворотила туда, прилегала на луку, глядѣла противъ неба, и наконецъ увидала какую–то живую кочку. Смѣло подъѣхала она къ ней, въ увѣренности, что это долженъ быть Куцый, и не ошиблась. Онъ сидѣлъ подгорюнясь нагишемъ, какъ мать на свѣтъ родила, и не обращая большаго вниманія на подъѣхавшаго вершника, котораго считалъ безъ сомнѣнія принадлежащимъ той же шайкѣ, сказалъ: «А ты чего еще? тебѣ что надо? ты видишь, я сижу — дай Богъ вамъ здоровье — нагой, землѣ подо мной стыдно; а бить также болѣе нельзя меня, не почему, нѣтъ живаго мѣста, все одинъ синякъ. Пріѣзжай съ разсвѣтомъ, да полюбуйся.»

И смѣшно и жаль было Майнѣ; Куцый не испустилъ ни одного стона, ни вздоха, когда избили его нагайками отъ затылка до

пятокъ; онъ только, стиснувъ зубы, переминался — а узнавъ Майну, заплакалъ въ голосъ, и цѣловалъ копыты ея лошади. «Не сказалъ я,» воскликнулъ онъ, «не сказалъ ни слова, сколько ни старались они около меня, не выпытали ничего! Не бойся, не знаютъ они кто ты и откуда; я сказалъ, что мы Таминцы, бѣжали отъ разбойниковъ Джагалбайлинцевъ. Сколько ни колотили, ничего больше не вывѣдали.»

— Дуракъ ты, дуракъ, бѣдняжка, — сказала Майна, — да что же тебѣ пользы было ихъ обманывать, врать и заставлять себя бить? Если бы Джагалбайлинцы нападали на Таминцевъ, вѣрно бы и эта шайка о томъ знала; какая же тебѣ польза лгать на свою шею? Кому изъ насъ отъ этого легче? —

«Все–таки обманулъ ихъ,» сказалъ покрякивая Куцый, «все–таки они въ дуракахъ остались; а я имъ не переметчикъ дался, чтобы высказать всю правду.»

Майна отдала уроду чапанъ свой, тюбетейку, одного коня, — и отдохнувъ немного, поѣхали они дальше. Помолчавъ

съ четверть часа, Куцый захохоталъ, пробормотавъ: «обманулъ таки собакъ, обманулъ! Они и теперь думаютъ, что мы Таминцы!» Потомъ, оборотясь вдругъ послѣ этого быстро къ Майнѣ и ощупавъ у себя торака, закричалъ: «А гдѣ же нашъ крутъ? а что мы ѣсть будемъ?»

Куцый въ самомъ дѣлѣ былъ правъ. Крутъ пропалъ вмѣстѣ съ лошадьми его, гдѣ былъ второченъ, и у путниковъ нашихъ не осталось ни насущнаго зерна. Куцый умѣлъ и этотъ несчастный случай обратить, мысленно по крайней мѣрѣ, въ свою пользу: «Съѣдимъ барана», сказалъ онъ захохотавъ, «съѣдимъ большаго барана, только бы добраться до аула. Ты, Майна, ступай стороной, дальше, а я подползу, украду и принесу. Небось, я приколю его на мѣстѣ, гдѣ ухвачу, чтобы не ревѣлъ, не дралъ горло, да сзывалъ народъ.» И Куцый замолкъ. Наслаждаясь мысленно этимъ лакомымъ и сытнымъ блюдомъ, онъ разбиралъ барана уже по частямъ и суставамъ; хрящеватая грудинка хрустѣла подъ зубами его, огромный курдюкъ

чистаго сала расплывался у него во рту, сочное мясо тѣшило неприхотливый языкъ и небо. — Куцый набиралъ полонъ ротъ, огромную волчью пасть свою, и глаза у него проглянули болѣе обыкновеннаго, яблоки лѣзли на лобъ, какъ будто онъ уже давился огромными пригоршнями кулламы или бишбармаку, пятипалаго, ручнаго кушанья, крошенаго мяса. Онъ разсмѣялся и утеръ ротъ ладонью, взадъ и впередъ, отъ уха до уха. Потомъ Куцый зѣвнулъ, растворивъ челюсти свои четверти на полторы, поёжился, пожалъ плечами туда и сюда, и сталъ дремать на конѣ, какъ послѣ сытнаго обѣда.

Майна между тѣмъ расчитала, что ей теперь всего лучше искать днемъ аула, положившись на помощь и гостепріимство земляковъ; тутъ могли быть только аулы Семиродцевъ, или даже Баюлинцевъ; можетъ быть, на счастье, удастся наткнуться на послѣднихъ и доспроситься тѣхъ, кого она ищетъ. Заѣхавъ въ небольшой овражекъ, по переправѣ черезъ Уилъ, она рѣшилась дожидаться разсвѣта,

тѣмъ болѣе, что утомленныхъ лошадей надо было попасти. Она съ устали скоро заснула, и проснулась вдругъ съ испугомъ отъ страшнаго крику и шуму, ее окружавшаго. Куцый, задумавъ съѣсть барана, отправился на промыслъ, какъ скоро услышалъ, что въ какой нибудь верстѣ или двухъ залаяли собаки. Подкравшись къ сонному аулу, онъ высмотрѣлъ ползкомъ, гдѣ какой скотъ, подползъ благополучно къ овцамъ, поймалъ одну, прикололъ ее, оттащилъ ползкомъ за полверсты и принесъ на становище свое. Но этого мало: надобно было сварить въ чемъ нибудь барана, если не печь его на жару навозномъ; Куцый готовъ былъ въ крайности и на это, но онъ не полагалъ себя еще въ такой крайности и пошелъ промышлять котелъ. Съ дерзостью голоднаго волка воротился онъ снова въ тотъ же аулъ, добрался ползкомъ до кибитки, въ которой чуть мелькалъ еще тлѣвшійся огонекъ, поднялъ легонько нижній уголъ запона, и сталъ разглядывать, что дѣлалось въ кибиткѣ. Всѣ спали;

плоскій широкій котелъ стоялъ, по обыкновенію, съ водою надъ жаромъ, разложенномъ по самой срединѣ кибитки. Куцый, глядя на котелъ, съ необычайною живостію представилъ себѣ, какъ бы въ немъ хорошо и вкусно уварился баранъ его; оглянулся еще — за рѣшетку близь входа заткнутъ косматый малахай; въ одно мгновеніе схватилъ онъ малахай этотъ, ухватилъ имъ вмѣсто рукавицы, котелъ съ огня, опрокинулъ его, и вылилъ воду, не заботясь о томъ, кому она попала на ноги и на голову, выскочилъ изъ кибитки и бѣгомъ, опрометью, пустился бѣжать. Собаки бросились въ погоню за нимъ, и стали теребить вора сзади за чапанъ, порвали ему даже икры, потому что Куцый былъ, какъ извѣстно читателямъ, босой; но онъ бѣжалъ безъ оглядки и безъ памяти, покуда наконецъ не нагнали его выскочившіе за нимъ слѣдомъ и удивленные неимовѣрною дерзостію хозяева, которые, кинувшись въ погоню на лай собакъ, настигли вора прежде, чѣмъ онъ успѣлъ добѣжать до овражка, гдѣ

спокойно отдыхала Майна. Вотъ шумъ и крикъ, отъ котораго она проснулась.

Не зная, что это за люди, и что тутъ дѣлается, она только съ осторожностію приподняла голову, но не могла разглядѣть ничего, кромѣ небольшой толпы; ниже услышать что нибудь, кромѣ угрозъ, брани, нѣсколькихъ сильныхъ ударовъ нагайкой — и вскорѣ все утихло, народъ удалился. Когда разсвѣло, Майна удостовѣрилась, что она одна, Куцаго нѣтъ, рядомъ съ нею, въ овражкѣ, лежитъ зарѣзанный баранъ; лошади ходятъ внизу, гдѣ были пущены; кругомъ все пусто. Она сѣла верхомъ и, выѣхавъ на бугоръ, увидала аулъ. Закричавъ съ дѣтскою радостію вслухъ: слава тебѣ, Господи! она поворотила туда, и черезъ четверть часа стояла передъ пяткомъ кибитокъ, поставленныхъ въ кружокъ.

Отвѣтивъ на мужеское привѣтствіе ея тѣмъ же, молодой парень, сидѣвшій на лошади съ укрюкомъ (*), спросилъ ее: «кто ты? чего надо?»

(*) Шестъ съ арканомъ, у пастуховъ.

— Я Баюлинецъ, сказала она, сынъ Сакалбая, сына Талдыкова, ѣздилъ въ Семиродцы, къ невѣстѣ, и не знаю теперь, гдѣ найду опять свой аулъ. Не слышно у васъ, гдѣ они кочуютъ? —

«Кто?» спросилъ тотъ, прислушиваясь и пригнувъ голову на бокъ.

— Гдѣ кочуютъ Баюлинцы? — сказала Майна. «Баюлинцевъ много, по всей степи кочуютъ Баюлинцы,» отвѣчалъ вершникъ подъѣхавъ ближе: «Да тебѣ кого надобно, ты кого назвалъ, ты кто?»

— Я сынъ Сакалбая Талдыкова, — повторила Майна, — и его–то мнѣ и нужно, Сакалбая. —

Сказавъ это, Майна както не могла глядѣть прямо въ глаза вершнику и отвела взоры въ сторону; они прямо упали на связаннаго по рукамъ и по ногамъ Куцаго, который увидѣлъ Майну, лишь только она подъѣхала, слышалъ весь разговоръ ея, и молчалъ, не подавая никакого виду, будто и не знавалъ и не видалъ ее отроду, чтобы ихъ, какъ товарищей, не подвергли равной отвѣтственности. Куцый лежалъ спокойно,

и ждалъ только конца и развязки, то есть, чтобы измочалили объ него всѣ, сколько есть въ аулѣ, нагаекъ, а послѣ этого и самъ надѣялся добраться благополучно до ауловъ Сакалбая. Но молодой парень, спросивъ еще разъ, довольно настойчиво: «ты сынъ Сакалбая говоришь? Сакалбая Талдыкова, Баюлинца?» и получивъ на это въ отвѣтъ утвердительное *шулай*, такъ — оборотился къ одной изъ кибитокъ и сказалъ: «Батюшка, а батюшка — выдьте-ка встрѣтить сына, тутъ къ вамъ сынъ пріѣхалъ, только не знаю, братъ ли онъ мнѣ будетъ — спрашиваетъ васъ.»

При этихъ словахъ, Майна конечно разгадала все; и когда вслѣдъ за тѣмъ старикъ Сакалбай вышелъ изъ кибитки, а потомъ и братъ его и сыновья, кромѣ Маіора впрочемъ, то Майна кинулась съ лошади въ ноги старику и залилась горькими, радостными слезами. «Я не сынъ твой, сказала она, я дочь твоя, Майна, которую ты высваталъ за сына, и коли вы не пріѣзжали за мною, то я пріѣхала къ вамъ. Меня отецъ отдалъ было за другаго —

но не быть у дѣвки двумъ женихамъ, какъ не быть двумъ солнцамъ на небѣ; я пріѣхала къ жениху своему, къ отцу; бери меня подъ свое правое крыло, накрой меня своей правой рукой, не давай въ обиду сильному, не вели стыдить меня никому: стыднѣе чай покинуть жениха, да быть женой другаго, чѣмъ притти самой къ первому!»

Правду говоритъ пословица: дѣвку трудно только выносить — а разъ перевабишь, такъ ужъ сама, какъ соколъ, на руку летать станетъ!

Удивленію и радости не было конца; Сакалбай накрылъ голову Майны полою чапана своего, потомъ поднялъ ее, объявилъ всѣмъ, что она дочь его, око родное, сердце утробы его; повелъ ее въ кибитку свою, потомъ поставилъ ей, какъ самому почетному гостю, особую бѣлую кибитку, воткнулъ у входа ея длинное копье свое, съ рѣзнымъ копеищемъ; словомъ, Майна была принята, какъ самый близкій и дорогой гость.

А Куцый? Куцаго, разумѣется, освободили, приказали ему быть также гостемъ, и когда Сакалбай распоряжался черезъ часъ послѣ этого по хозяйству, велѣвъ зарѣзать для дорогой гостьи барана, то Куцый признался, что у него уже припасенъ готовый баранъ, невдалекѣ, и взявъ лошадь, поскакалъ и привезъ украденнаго имъ тутъ же наканунѣ барана. Подъѣзжая къ аулу, онъ хохоталъ отъ души и моргалъ и поматывалъ головой: «Рѣжьте другаго,» сказалъ онъ наконецъ: «этого уже собаки порвали, на мое счастіе, это мой, я его съѣмъ одинъ.» Сакалбай не захотѣлъ лишать Куцаго счастья его, тѣмъ болѣе, что Кайсаки, относительно собакъ, крайне брезгливы, и какъ во многихъ другихъ, такъ и въ этомъ отношеніи, выгодно отличаются отъ Калмыковъ.

Маіора не было; Майна провела слишкомъ сутки въ ожиданіи его съ бабами и дѣвками тестева аула; смѣху и радости было много. Маіоръ возвратился на другой день къ вечеру и слѣзалъ осторожно съ лошади, потому что плечо у него было

прострѣлено стрѣлою Майны. Шайка, которую встрѣтила она, составилась изъ Баюлинцевъ, ходившихъ въ сосѣдніе роды на баранту или воровство, по начетамъ своимъ, взаимному праву и обычаю. Дѣло относительно раны Маіора, невольнымъ образомъ обнаружилось и объяснилось, потому что Майна напередъ уже расказала всѣ похожденія свои, не подозрѣвая, чтобы женихъ ея могъ быть въ этой шайкѣ. Сакалбаю, по обычаямъ и понятію народному, должно было прикинуться сердитымъ на сына, который дожилъ до такого стыда, что невѣста за нимъ пріѣхала, а не онъ за нею; и еще сверхъ этого онъ былъ раненъ — дѣвкой! Сакалбай сказалъ въ кругу родныхъ рѣчь, въ которой превозносилъ Майну до небесъ, бранилъ сына и говорилъ, что онъ, сынъ, ее не стоитъ. Маіоръ казалось, худо вѣрилъ этому; онъ сидѣлъ противъ Майны, поглядывалъ на нее изподлобья, будто бы думалъ: толкуйте вы!

Общее недоумѣніе послѣ плодовитой рѣчи Сакалбая было прервано явленіемъ

Куцаго; управившись еще наканунѣ съ бараномъ своимъ, котораго не успѣли доѣсть собаки, прикрывъ даровыми обносками наготу свою, онъ отдыхалъ въ вожделѣнномъ пресыщенiи за той самой кибиткой, гдѣ происходило пренiе. Вслушавшись нѣсколько о чемъ идетъ рѣчь, онъ пошелъ объявить наконецъ Сакалбаю, для чего собственно Майна съ нимъ бѣжала, и предложить въ тоже время услуги свои на паству коней или овецъ. Куцый пролѣзъ подъ запономъ, оттолкнувъ его головою, и вошелъ съ самодовольнымъ, разсудительнымъ видомъ, держа правую руку на отлетѣ, между тѣмъ какъ пальцы лѣвой руки, которою онъ собрался разсуждать, перебирали по воздуху у него подъ бородою. Всѣ захохотали глядя на него, и онъ послѣдовалъ ихъ примѣру; наконецъ, съ простодушной улыбкой, которая, казалось, была готова и къ плачу и къ смѣху, спросилъ: «Что же, будемъ смѣяться, или будемъ дѣло говорить?» — Дѣло говорено и покончено, — сказалъ Сакалбай; — а тебѣ чего надо? — «Есть у

меня просьба,» продолжалъ Куцый, «до всѣхъ до васъ, сколько васъ тутъ есть.» — Какая просьба? — «Дайте ходъ рѣчи моей, прикажите говорить, а вы будете слушать.» — Говори, — сказалъ Сакалбай; и Куцый началъ:

«Дивуюсь я — не надивуюсь, гляжу я, не нагляжусь, а всѣ вы люди умные. Вы меня не знаете, я васъ не знаю; а коли я скажу вамъ: будьте здоровы, то вы отвѣчайте: добро пожаловать. Что вы мнѣ прикажете, то стану дѣлать; что я стану говорить, то вы будете слушать.» — А долго еще слушать тебя? — спросилъ Сакалбай. «Нѣтъ, не долго; на то есть ваша воля, вы мой кормилецъ, я вашъ работникъ. Знайтежъ кто мы и зачѣмъ мы въ эту сторону заѣхали; правды таить нельзя, вы люди умные, вы люди добрые, мы ваши слуги, передъ вами сердца наши настежъ. Мы, не противно закону Божію, замышляемъ сочетаться бракомъ, жить и копить вмѣстѣ, я, то есть, и вотъ Майна, дочь бывшаго хозяина моего, человѣка знатнаго.» Всѣ захохотали; но Куцый

закричалъ, поднявъ обѣ руки: «постойте» и продолжалъ: «вотъ мы зачѣмъ и ушли вмѣстѣ и поселяемся у лучшаго въ мірѣ хозяина, и просимъ не обижать насъ, а за съѣстное мы вамъ отработаемъ и будете вы жить за нами спокойно.»

Рѣчь эту, для незнающихъ обычаи степные, надобно не много пояснить: у Кайсаковъ ничто не дѣлается безъ краснобайства, безъ длинныхъ рѣчей, въ коихъ обыкновенно беретъ верхъ тотъ, кто всѣхъ перекричитъ и не давъ никому опомниться оглушаетъ все собраніе полчаса сряду, безъ роздыху, безъ разстановки, дикимъ крикомъ своимъ, и отковавъ такимъ образомъ всѣ умы по своему чекану, увлекаетъ ихъ за собою. Люди умные, одаренные кромѣ голоса еще и даромъ слова, умѣютъ имъ пользоваться; они заводятъ окольную рѣчь, въ которой никакъ не ожидаешь такого рѣзкаго конца, и неожиданность эта поражаетъ и увлекаетъ всѣхъ, заставляя смѣяться и согласиться. Слово Куцаго — Энеида на изнанку,

карикатура Киргизскаго краснорѣчія, но въ духѣ и обычаѣ народа.

Когда Куцый кончилъ и всѣ захохотали, то Маіоръ вдругъ ожилъ, кровь ударила ему въ лице, и онъ, не разумѣя шутки, закричалъ, что убьетъ урода этого и закинетъ какъ пса, если онъ осмѣлится еще разъ объявлять гласно притязаніе свое на Майну. Сакалбай велѣлъ молчать сыну, напомнивъ ему, что онъ потерялъ всякое право на Майну, не достоинъ ее, и что кромѣ этого, для него засватана другая дѣвка, у сосѣднихъ Таминцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, это было справедливо: получивъ вѣсть объ отказѣ Карасакалъ батыря, Сакалбай пріискалъ второму сыну своему уже другую невѣсту. Но это было распоряженіе и воля отцовская, которой Маіоръ безпрекословно повиновался, а не искалъ, не желалъ этого и глядя на Майну не думалъ теперь о другой невѣстѣ своей. Вся семья, братья, дяди, свояки, всѣ, кто былъ въ собраніи этомъ, сидя поджавъ ноги кружкомъ, стали кланяться почтительно главѣ семейства, Сакалбаю, и говорили:

«Не дѣлай такъ, не иди противъ судьбы, будь милостивъ; — не будетъ такъ, не твоя это воля, твоя воля умная и толковая; — прости сына, сынъ молодецъ у тебя, прими въ милость его, будь ему отцемъ» — и прочее. Сакалбай, принявъ суровый видъ, слушалъ однако же все это съ удовольствіемъ; онъ исполнялъ только обязанность свою, по обычаямъ и понятіямъ своего народа, хотѣлъ уступить только усильнымъ просьбамъ, какъ будто по неволѣ, и собрался, казалось, еще подержаться, не снимать личины, быть еще съ полчаса неумолимымъ. Но въ эту минуту, какъ будто сговорившись, Маіоръ и Майна, сидя, она позади отца, внѣ круга, а онъ насупротивъ его, вдругъ ударили передъ старикомъ челомъ въ землю и завыли. Маіоръ лежалъ и вопилъ: «языкъ свой вырву, грудь истерзаю, отсѣку правую руку свою» — а Майна говорила: «затѣмъ ли я пришла къ тебѣ, покинувъ отца и мать, чтобы ты безчестилъ меня на чужбинѣ; умилосердись надъ сиротою безродною; коли отымешь у нея суженаго, такъ кто же

у нея будетъ свой, къ кому же она пріѣхала на чужбину, или только за позоромъ своимъ, на стыдъ свой, и на потѣху злымъ и досужимъ языкамъ? Что же скажутъ въ аулахъ Наурузбайцевъ, когда дойдетъ туда вѣсть къ старому Карасакалъ–батырю, что дочь его ушла къ чужимъ, что свои на чужбинѣ отъ нея откинулись, и мужа у нея тамъ нѣтъ? умилосердись, не погуби!»

Женщины и въ особенности дѣвки въ степи во всѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло касается ихъ близко, бываютъ краснорѣчивѣе мужчинъ; дѣвки привыкли тамъ импровизировать, распѣвать стихи свои на обумъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, на всѣхъ игрищахъ, пирахъ и сборищахъ; привыкли изливать радость, и въ особенности печаль свою, въ піитическихъ порывахъ. Вдова оплакиваетъ мужа не иначе, какъ распѣвая въ честь ему похвальныя пѣсни, съ причитываньемъ, точно какъ кой–гдѣ еще у нашихъ простолюдиновъ. Вотъ почему въ словахъ женщинъ и дѣвокъ, если ими управляютъ сильныя страсти, гораздо болѣе смыслу и

чувства, нежели въ грубыхъ и буйныхъ порывахъ мужчинъ. Онъ дурачится, грозитъ, хочетъ себя искалѣчить, порываясь къ дѣйствію, не умѣя быть покорнымъ и страдательнымъ; она умоляетъ, убѣждаетъ, выражаетъ то, о чемъ скорбитъ сердце ея, по чемъ болѣетъ душа.

Сакалбай не устоялъ, не выдержалъ, и не успѣлъ кончить всю продѣлку такимъ образомъ, какъ напередъ было самъ съ собою условился. Слезы покатились у него градомъ, онъ вздыхалъ тяжело, и обращаясь ко всѣмъ, кто былъ тутъ, повторилъ раза два: «полно, полно, — ну, что же я стану дѣлать — какже мнѣ съ ними быть — сами вы видите.... я ли тутъ чему виноватъ? — горе мнѣ съ вами, дѣтки, да и только — а какже быть....» Оправившись, принялъ онъ опять осанку по важнѣе, велѣлъ встать дѣтямъ и, собравшись съ духомъ, рѣшилъ дѣло такъ:

«Противъ судьбы спорить и рядить нельзя; на это человѣка не станетъ. Майна пришла къ намъ, она наша; возми же ты ее,

Маіоръ, я отдѣлю вамъ и хозяйство. А ты, Капитанъ, вѣдь и ты уже не ребенокъ, и тебѣ можно, по примѣру двухъ старшихъ братьевъ, взять жену — Поручикъ обождетъ еще, онъ совсѣмъ глупъ — такъ тебѣ будетъ женой братнина невѣста, я за нее выплатилъ почти весь калымъ; — я же старъ, отживаю вѣкъ свой, будете меня кормить. Поручикъ посидитъ еще со мною; старый да малый товарищи — и я подъ старость глупѣю; 60 лѣтъ прошло, умъ назадъ пошелъ. Сыграемъ двѣ сватьбы вмѣстѣ.»

Майна разсмѣялась сквозь слезы и накрыла глаза рукавомъ чапана; Маіоръ пожимался въ обѣ стороны отъ поздравительныхъ ударовъ руками по плечамъ; а Куцый, понявъ наконецъ въ чемъ дѣло, также поздравлялъ соперника своего, съ какою–то огромной, угловатой улыбкой недоумѣнія, а когда все собраніе поднялось на ноги, чтобы кончить и закрыть присутствіе, Куцый опять поднялъ вверхъ обѣ руки, закричалъ, встряхнувшись всѣмъ тѣломъ: *токта!* постойте! сталъ въ

дверяхъ и объявилъ, что никого не выпуститъ, доколѣ не дадутъ воли языку его. Рѣчь его на этотъ разъ была коротка; онъ спросилъ только съ изумленіемъ, которое рисовалось на всемъ пространствѣ огромнаго лица его, отъ бороды до бровей: «Развѣ–де меня вовсе забыть хотите, развѣ меня не жените? Такъ обо мнѣ что скажутъ земляки мои, когда дойдетъ до нихъ вѣсть, что я ушелъ съ невѣстой, а живу холостымъ? Не погубите меня, мнѣ будетъ стыдно!» Послѣднее выраженіе Куцый подслушалъ у Майны и полагалъ, что по всей справедливости можетъ его примѣнить также къ себѣ.

Послѣ общаго смѣху, гдѣ всѣ кричали въ голосъ и давали Куцому разные совѣты, утѣшая его, Сакалбай одинъ дѣйствительно его утѣшилъ: «За вѣрную службу твою,» сказалъ онъ, «что привелъ ты ко мнѣ Майну, укралъ котелъ и барана, я тебѣ въ байгушахъ (*) найду дешевую невѣсту; а сватьбу твою отпразднуемъ вмѣстѣ со сватьбой моихъ сыновей.»

(*) Байгушъ, обѣднѣвшій, пѣшій Кайсакъ, нищій .

— Башъ! башъ! — кричалъ обрадованный Куцый, и кланялся ниже пояса, между тѣмъ какъ шумная толпа толкала его и колотила по спинѣ и плечамъ: «Спасибо! дослужился таки Куцый до чести и сватьбу его отпразднуютъ со скачкой, съ борьбой, съ кумызомъ и съ бараниной!»

Въ день сватьбы, Майна сидѣла въ особой кибиткѣ, между дѣвками; лице у ней завѣшено было алымъ шелковымъ платкомъ; коса распущена и заплетена во множество мелкихъ косичекъ. Дѣвки пѣли, всѣ въ одинъ голосъ:

«Нѣтъ напѣва въ Русской пѣснѣ, какъ нѣтъ напѣва въ пѣснѣ вешней кукушки; а есть напѣвъ въ той пѣснѣ, которую поютъ дѣти кочевой орды, дѣвки красныя, когда отдаютъ сестру за мужъ: поютъ какъ лебедь, у котораго беркутъ унесъ лебеденка сѣраго, поютъ какъ клекчетъ орелъ, подымая отъ земли жеребенка.»

И Майна сидѣла посреди этой пестрой толпы подругъ, поющихъ тоскливыя, жалобныя пѣсни; завѣшенная платкомъ, она, казалось, и сама тосковала и плакала;

но по временамъ отводилъ палецъ ея край платочка и быстрый, черный глазокъ, изобличающій рѣзвую улыбку, выглядывалъ изъ–подъ покрывала. Маіоръ сидѣлъ въ это время въ отдѣльной, кругомъ закрытой кибиткѣ, и не выказывался оттуда во весь день; изрѣдка только заглядывали къ нему товарищи. Онъ не видалъ ни борьбы, ни скачки, а слышалъ только издалека шумный споръ, чья лошадь пришла первою, потому что скакуновъ провожала густая толпа выѣхавшихъ къ нимъ на встрѣчу всадниковъ, и окруживъ и спутавъ ихъ примчалась вмѣстѣ съ ними и не дала разсмотрѣть въ точности, на чьей сторонѣ была правда; всякъ отстаивалъ своихъ. Пиръ длился трои сутки.

Вмѣстѣ съ Маіоромъ сидѣли братъ его, Капитанъ, и счастливый Куцый. Уродъ также считалъ обязанностію стыдиться и не выходить никуда. Рядомъ съ Майной, сидѣла будущая невѣстка ея, Хамиль, также подъ покровомъ; а по другую руку еще и третія невѣста, дешевая, какъ выразился объ ней Сакалбай, въ чужомъ

чапанѣ, потому что у нея своего не было. Родители ея не думали отпраздновать когда нибудь сватьбу дочери своей такъ великолѣпно, и не мало этимъ хвастались и гордились.

В. ДАЛЬ